

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ АНТРОПОНИМОВ В
ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.03.01 Филология
очной формы обучения,
группы 04001403
Юсовой Анастасии Сергеевны

Научный руководитель
кандидат филологических
наук, доцент
Пугач В.С.

БЕЛГОРОД, 2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Вопросы ономастики. Имя собственное в художественном тексте...17	
1.1. Основные положения и проблемы общей ономастики	17
1.2. Имя собственное в художественном тексте.....	23
Глава II. Реализация художественных функций антропонимов в произведении	33
2.1. Волшебные народы и их языки в произведении	33
2.3. Происхождение и семантика антропонимов в произведении.....	43
2.4. Функции антропонимов в произведении	52
Заключение	57
Список использованной литературы.....	59

Введение

Творчество Дж.Р.Р. Толкина (1892 – 1973) хорошо известно во всём мире. Детская сказка «Хоббит, или Туда и обратно» (“The Hobbit or There and Back Again”, 1937) и её продолжение, «Властелин Колец» (“The Lord of the Rings”), опубликованная в 1954 – 1955 гг., принесли оксфордскому профессору древнеанглийского языка и литературы мировую известность и превратили его в одного из крупнейших писателей XX века. «Властелин Колец» до сих пор остаётся одной из самых читаемых книг: по результатам проведённого в Англии опроса из 25 тысяч человек более пяти тысяч назвали произведение книгой столетия (Аракин, 2006: 115). К настоящему моменту роман переведён на большинство европейских языков. Впервые в России перевод романа вышел в 1982 г., хотя известен он был с 1960-х гг., когда появилось множество самиздатовских переводов.

Интерес к творчеству Толкина не угасает и сейчас. Об этом свидетельствуют публикация Кристофером Толкиным после смерти отца «Сильмариллиона» (“The Silmarillion”, 1977), 12 томов черновиков, а также появление многочисленных любительских и профессиональных исследований произведений Дж.Р.Р. Толкина, мира и языков, созданных им. В Великобритании «Властелин Колец» успешно переиздаётся каждый год. Там существует и функционирует «Британское Толкиновское Общество», проводятся различные фестивали и конференции.

На Западе о «Властелине Колец» заговорили сразу же после его выхода. Несмотря на обилие причудливых имён и названий и несколько архаичный язык, критические отзывы пестрели такими выражениями, как «феномен Толкина», «феномен «Властелина Колец» (Кошелев, 1990: 4). В России Толкин стал популярен в 80-90-х гг., когда впервые были полностью напечатаны переводы «Властелина Колец», выполненные В.С. Муравьёвым и А.В. Кистяковским (Толкин, 1983: 544), Н. Григорьевой и В. Грушецким

(Толкин, 1992: 448). Уже в 1983 г. появилась первая рецензия на перевод А.В. Кистяковского и В.С. Муравьёва, выполненная В.А. Скороденко, в которой роман был признан «ярким, оригинальным произведением, перерастающим рамки национальной литературы» (Скороденко, 1983: 237).

Большинство первых работ, посвящённых произведению, были любительскими или даже псевдонаучными. Литературоведы вчитывались в роман около 10 лет. Началом систематического изучения творчества Толкина, как считает Р.И. Кабаков, один из первых отечественных исследователей произведений писателя, можно считать выход сборника критических статей «Толкин и критики» («Tolkien and the Critics») (Кабаков, 2009: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/kabako97.shtml>).

Э. Уилсон и Ф. Тойнби сочли роман «скучным, дурно написанным, вычурным и ребячливым» (Кабаков, 2009: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/kabako97.shtml>). Причина неприятия этими критиками «Властелина Колец» кроется, по мнению Р.И. Кабакова, в том, что роман слишком явно нарушает законы современной прозы: «Он («Властелин Колец» - А.Ю.) удивляет и отталкивает безыскусностью стиля, простотой моральных конфликтов, игнорированием интимной сферы жизни, отсутствием глубоко разработанных женских образов – отсутствием того, что сегодня считается обязательным для художественной прозы» (Кабаков, 2009: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/kabako97.shtml>).

Составитель сборника, профессор Н.Д. Айзекс, считает, что по достоинству оценить книгу помешала её известность. Он возражает критикам, посчитавшим, что популярность романа обусловлена ажиотажем, поднятым вокруг него: «Своей популярностью Толкин обязан отнюдь не СМИ, а своей мастерски написанной, завораживающей книге» (Isaacs, 1968: 3).

В сборнике «Толкин и критики» намечаются основные аспекты изучения «Властелина Колец». К.С. Льюис, известный английский писатель

и близкий друг Толкина, сам экспериментировал с жанром фэнтези, а потому по достоинству оценил роман. В статье «Развенчание власти» он обращает внимание на художественную специфику романа, сложную композиционную структуру, мнимую простоту конфликта (Lewis, 1968: 12-16). П.М. Спэкс также анализирует конфликт. «Простоту системы ценностей искупает сложность философской подоплеки романа: простота не равнозначна поверхностности» (Spacks, 1968: 85). Кроме того, П.М. Спэкс исследует язык произведения, проводит параллели с северной мифологией. О мифологической основе творчества Толкина говорит и Т.Дж. Гаск. В статье «Толкин: чудовища и твари» он сопоставляет различных персонажей романа с чудовищами из «Беовульфа» (Gasque, 1968: 151-163). Э. Фуллер в статье «Дж.Р.Р. Толкин: Повелитель хоббитов» высоко оценивает детализованность созданного Толкиным мира и самобытность романа. Он также анализирует возможности его аллегорического прочтения (Fuller, 1968: 17-39). У.Х. Оден в статье «Герой Приключения» ставит проблему жанра произведения и рассматривает тему противостояния добра и зла (Auden, 1968: 40-61). Тематику романа также исследует Х.Т. Кинан. В статье «Послание «Властелина Колец»: борьба за жизнь» он анализирует образы главных героев, (Keenan, 1968: 62 – 80) которым посвящена и статья М. Брэдли «Люди, полурослики и культ героя». Выделяется работа М. Келли «Поэзия в фэнтези: стихи «Властелина Колец», рассматривающая подробно поэтическую составляющую романа (Kelly, 1968: 200).

После выхода сборника появилось множество работ, посвящённых анализу «Властелина Колец», что свидетельствует о многоплановости произведения и его непреходящей роли в литературном наследии XX века.

С самого начала исследователи творчества Толкина столкнулись с рядом трудностей. Р.Дж. Рейли писал: «Властелин Колец» кажется открытым любой литературоведческой интерпретации: биографической, фрейдистской, юнгианской, морально-философской, структуралистской... Книга

напоминает своего рода литературоведческий полигон для отработки различных способов и приёмов анализа. Такое впечатление, словно Толкин выставил зеркало не перед жизнью, а перед критиками, и каждый видит в нём свою позу» (Кабаков, 2009: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/kabako97.shtml>).

В научной литературе развернулась острая дискуссия по поводу возможных интерпретаций «Властелина Колец», его связи с современными проблемами. Каждый критик видел разные причины столь широкой популярности книги. Многие объяснения свелись к проведению параллелей с политическими и социальными проблемами. Сложилась особая концепция аллегоричности «Властелина Колец».

В этом есть некий парадокс, ведь сам Толкин говорит: «Я питаю искреннее отвращение к аллегории во всех её проявлениях» (Tolkien, 1966: 244). Б. Раффел комментирует: «Если взять аллегорию в широком смысле этого слова, то «Властелин Колец, на мой взгляд, бесспорно аллегоричен» (Raffel, 1968: 244). С ним согласен и Э. Фуллер, но в разработке этой теории он излишне увлекается идеями борьбы западного христианства с нацизмом и коммунизмом.

Наиболее полно концепция аллегоричности, по мнению Р.И. Кабакова, изложена в работе М. Эдельсон «Аллегория в английской прозе XX века» (“Allegory in English Fiction of the 20th century”). Исследовательница рассматривает отдельные элементы аллегории в книге (аллюзии на фашизм в образе Саурона, христианские мотивы в образе Гендальфа) и приходит к выводу, что жанрообразующим элементом в произведении является не аллегория, а мифотворчество (Кабаков, 2009: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/kabako97.shtml>).

В статье М.В. Маэра «Безупречная страна»: отражение образа Девы Марии в персонажах средневековой литературы и их влияние на образ Галадриэль» нашло отражение распространённое среди критиков мнение о

том, что Галадриэль является явной аллюзией на образ Девы Марии. Хотя М.В. Маэр и соглашается, что в данном случае «провести прямую аналогию невозможно» (Maer, 2003: 226), он считает, что Толкин использовал образы из Лоретанской Литании (The Litany of Loreto), связанные с Девой Марией, в качестве основы образа Галадриэль. Исследователь также указывает на сходство многих эпизодов произведения с библейскими сюжетами.

У концепции аллегоричности «Властелина Колец» множество уязвимых мест. Самым явным является уже указанное нами противоречие позиции автора, который категорически отрицал аллегорическую основу своих произведений. Толкин рассматривает проведённые критиками параллели между событиями книги и событиями Второй Мировой войны и в предисловии к изданию романа 1966 г. пишет: «Что же до глубокого смысла или «послания», то автор ни о чём таком и не думал. Оно (*произведение – А.Ю.*) не является ни аллегорическим, ни злободневным. ... Критическая глава, «Тень прошлого», ...была написана задолго до того, как 1939 год предзнаменовал неотвратимую катастрофу. ...

Её замысел сформировался намного раньше, и даже был частично перенесён на бумагу, и год 1939 не оказал на него практически никакого влияния» (Tolkien, 2010: <http://druidry.org/board/photos/englishandwelsh.pdf>).

Среди исследований, полемизирующих с концепцией аллегоричности «Властелина Колец», стоит отметить статью Брайна Розбери «Толкин в «Истории идей». Исследователь отмечает, что в своей книге писатель говорит о вечных ценностях. Склонность некоторых критиков видеть в образе Саурона аллюзию на Сталина или Гитлера, в Назгулах – образ нацистской армии, а в Шире под властью Сарумана – послевоенное лейбористское правительство Розбери называет «попытками отрицания художественной автономии мира Средиземья» (Rosebury, 2008: 90). Критик настаивает: «Его произведение не несёт в себе скрытой сатиры или

полемики, его целью является показать определённые важнейшие стороны жизни, приятные и неприятные» (Rosebury, 2008: 90).

В качестве ещё одного серьёзного недостатка данной концепции можно указать ошибочные, а иногда и вовсе абсурдные выводы исследователей. Как пример в корне неверной интерпретации Р.И. Кабаков приводит книгу Р. Гилдинга и Е. Холланд «Берега Средиземья» (1985). Авторы рассматривают произведения Толкина как некий шифр истории земной цивилизации и считают, что Шир располагается на территории современной Болгарии (Кабаков, 1989: 24).

Более плодотворной оказалась мифологическая интерпретация творчества Толкина. Данная концепция появилась после публикации биографии Толкина, написанной Х. Карпентером (“Tolkien: A Biography”, 1977). Х. Карпентер был убеждён, что в своём творчестве Толкин создал «мифологию для Англии» (Chance, 2003: 2), вымышленный мир со своими народами, языками и культурой, а письма писателя, изданные его сыном К. Толкиным, подтвердили эту точку зрения. Сторонники мифологического подхода разделились на две большие группы: одни считали, что Толкин создал свой собственный миф, другие считали, что он продолжал уже существующие традиции.

Одним из главных аргументов исследователей, считающих, что источником «Властелина Колец» и творчества Толкина в целом была древняя мифология, является то, что писатель, будучи профессором древнеанглийского языка и литературы, обладал глубокими знаниями в этой области. Среди исследований в этом направлении следует особо выделить сборник «Толкин-мидиевист» (“Tolkien the Medievalist”, 2003). В статьях, вошедших в данный сборник, связь произведений писателя с мифами и эпосом анализируется на всех уровнях: от языка до системы персонажей и концепции Средиземья.

Влияние профессиональных интересов писателя на его творчество подробно рассматривает Д.А. Андерсон. В своей статье «Трудолюбивый дьяволенок» он отмечает, что Толкин, несомненно, черпал творческое вдохновение из совместной работы с Э. В. Гордоном над редакцией «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря» (Anderson, 2003: 15 – 25). Схожей позиции придерживаются и другие критики: В. Флигер в статье «Сказке всегда найдётся место»: Дж.Р.Р. Толкин и противоречия во взглядах на фольклор» (Flieger, 2003: 26 – 35), Э. Лазо в статье «Что-то вроде повитухи: Дж. Р. Р. Толкин и К.С. Льюис – взаимовлияние», (Lazo, 2003: 36 – 49) М. Фарази в статье «Я желаю сказать»: голос Толкина в его эссе о «Беовульфе» (Farazi, 2003: 50 – 62) рассматривают филологические работы Толкина как своего рода эстетический манифест писателя, который показывает, что профессор не только перенимал традиции эпоса, но и полемизировал с ними. Исследователи считают, что эти эстетические идеи Толкин воплотил в своих художественных произведениях.

Многие литературоведы отмечали особую связь произведений Толкина со скандинавскими мифами. Уже в сборнике «Толкин и критики» в своей статье «Шир, Мордор и Минас Тирит» Чарльз Мурман отмечал: «Скандинавские эдды и саги оказали на творчество Толкина наиболее сильное влияние» (Dovovan, 2003: 108). Более эмоционально об этом пишет Уинстон Оден: «Несомненно, Скандинавия стала для Толкина путеводной звездой, и суть его творчества основана на глубоком интересе к скандинавской литературе, сохранившемся на всю жизнь» (Dovovan, 2003: 108). Л. Донован в статье «Отражение образа валькирии в женских персонажах «Властелина Колец» Толкина: Галадриэль, Шелоб, Эовин и Арвен» также подчёркивает особенно глубокую связь «Властелина Колец» именно со скандинавским эпосом. Она детально анализирует влияние образа такого эпического персонажа, как валькирия, на женских персонажей произведения: в их описании, функциях и основных мотивах, связанных с

ними. Следует отметить, что Л. Донован указывает на связь семантики имён некоторых персонажей «Властелина Колец» с другими языковыми средствами создания образа. Так, исследовательница пишет: «Постоянно сопровождаемое эпитетами, относящимися к свету или сиянию, само имя Галадриэль на изобретённом Толкиным языке синдарин значит «светлая госпожа» (Donovan, 2003: 112). Однако главным недостатком данной статьи нам кажется тот факт, что Донован усматривает в характерных цветах и сравнениях в описаниях Галадриэль и Арвен связь этих образов с образом валькирии, в то время как Толкин, умело сочетая описание и семантику имени, использует эти же мотивы для создания образа всего эльфийского народа в целом.

Некоторые критики считают, что связь произведений Толкина с «Беовульфом», анализу которого профессор посвятил книгу «Беовульф: чудовища и критики» (“Beowulf: The Monsters and the Critics“, 1937), также очень существенна. Так, Р. Рейли в статье «Толкин и волшебные истории» проводит параллели между «Властелином Колец» и «Беовульфом», и отмечает: «Заимствования или, скорее, переработка англо-саксонских, кельтских и северных мифов перекинули мост между его (*Толкина – А.Ю.*) и нашим мирами» (Reilly, 1968: 201-207). Параллели с «Беовульфом» также находят Х. Кинан и Т. Граск. Заимствования из мифологии рассматриваются в уже упомянутой нами ранее статье «Шир, Мордор и Минас-Тирит» Ч. Мурмана (Moorman, 1968: 201-207) и в книге Р. Ноэль «Мифология Средиземья» (“The Mythology of Middle-Earth”) (Noel, 1977: 198).

Джордж Кларк в статье «Дж.Р.Р. Толкин и истинный герой» исследует природу и виды героического у Толкина на материале не только художественных, но и литературоведческих работ писателя. Исследователь особо подчёркивает, что профессор не просто подражал древнегерманскому эпосу, а создал на его основе нечто новое: «Толкин следовал своему пониманию «Беовульфа» и некоторых древнеисландских саг. ... Но он не

принимал взгляд на судьбу человека и традиционных героев этой литературы. В своих произведениях он создал новый героический эпос и нового героя» (Clark, 2008: 4). Схожей точки зрения придерживается М.А. Штейнман. Подробно разбирая в своей статье «Игра с мифом в трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» заимствования из «Эдды», она приходит к выводу, что на их основе писатель создал новый миф. «Автор стремится к игре с мифом, создавая новую мифологию на основе реально существующих мифов, и одновременно к игре с читателем, зашифровывая намеки и указания на них» (Штейнман, 2006: 77), – пишет исследовательница. Схожей позиции придерживается и В. Флигер. Хотя она и критикует мифологию Толкина за незавершённость в статье «Неоконченная симфония», она всё же признает, что «Творческое наследие Толкина является памятником человеческому воображению, оно очень близко к тому, что можно было бы назвать английской мифологией» (Flieger, 2008: 121).

Однако существуют и исследования, в которых рассматривается влияние на произведения Толкина не только германской мифологии. Ярким примером является статья Чарльза Гаттара «Толкин, эпическая традиция и миф о Золотом Веке». Исследователь считает, что роль древнегерманского эпоса в творчестве профессора преувеличена, и отмечает явное влияние христианской традиции и мифов о Золотом Веке и Атлантиде. Ч. Гаттар проводит параллели между падением Мелькора и падением Люцифера. Стоит отметить, что указывая на связь между этими эпизодами, он, в отличие от сторонников аллегорической концепции, считает падение Мелькора не аллегорией, а воспроизведением аналогичного библейского сюжетного архетипа. Ч. Гаттар также видит во «Властелине Колец» множество библейских мотивов: «Природа соблазна остаётся неизменной, как и амбиции и жадность, развращающая власть, конфликт между подчинением божественной воле и стремлением самому возвыситься и восстать против

бога» (Huttar, 2008: 5). В мотиве угасания цивилизации и ностальгии по прежним временам Ч. Гаттар видит связь с мифом о Золотом Веке, а в падении Нуменора – с мифом об Атлантиде.

В. Флигер в статье «Дикие люди Толкина: от Средневековья к современности» также указывает на то, что в творчестве писателя нашла отражение не только германская мифология. Она находит в его произведениях заимствования из вавилонского эпоса о Гильгамеше и из европейского фольклора (Flieger, 2003: 95).

Изучение написанной Х. Карпентером биографии писателя, его писем и черновиков, отредактированных и упорядоченных К. Толкиным, привело литературоведов к выводу, что главным трудом Толкина был «Сильмариллион», над которым писатель работал около 60 лет. Письма писателя позволили проследить эволюцию его творчества и историю создания некоторых произведений. Публикация ранее не издававшихся, подчас незаконченных произведений и отрывков, не вошедших в финальную редакцию ранее изданных книг, сделала возможным целостный анализ его творческого наследия. Стало понятно, что «Властелин Колец» – не просто отдельное произведение, а наиболее развёрнутая часть «легендариума Толкина», что пошатнуло позиции сторонников аллегорического толкования книги и укрепило позиции концепции мифологизма.

По сей день вызывает споры жанр «Властелина Колец» и других произведений писателя. Уже в упоминавшемся нами сборнике «Толкин и критики» эта проблема была затронута У.Х. Оденом, Э. Фуллером, Дж. Рейли.

Сам Толкин причисляет свои произведения к волшебным сказкам, о которых он подробно пишет в своём эссе «О волшебных сказках», используя термин *fairy-story*, а не *fairy-tale* (Tolkien, 2010: <http://druidry.org/board/photos/englishandwelsh.pdf>). Авторское жанровое определение обосновывают Э. Фуллер и Н.Н. Мамаева. Последняя в статье «Это не фэнтези!» указывает на

особенности «Властелина Колец», тождественные английской литературной сказке, – поэтический язык, связь с мифологией, проблематику (Мамаева, 2001: 47). Наличие сказочных элементов отмечают и другие исследователи. С.Л. Кошелев писал: «Черты волшебной сказки просматриваются даже при беглом знакомстве с произведением Толкина («Властелином Колец» - А.Ю.)» (Кошелев, 1981: 83). Однако многие критики отмечают, что трудно ограничить книгу Толкина рамками этого жанра. Н. Григорьева, автор одного из переводов «Властелина Колец», писала: «Назвать сказкой повествование о Средиземье просто рука не поднимается. Недаром, называя «Властелина Колец» сказкой, норовят добавить побольше эпитетов: «философская», «для взрослых» и т.д. (Григорьева, 2009: <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/about/grigor.shtml>).

«Властелина Колец» также относят к жанру фэнтези, называя книгу его образцом, а писателя – родоначальником, хотя сам он употребляет слово *fantasy* в эссе «О волшебных сказках» только в значении «фантазия». Аргументируя свою позицию, исследователи отмечают наличие в романе таких характерных для фэнтези признаков, как квест (задание, которое должны выполнить герои произведения; квест является основой сюжета большинства произведений в жанре фэнтези), фантастическая реальность, фантастические существа, реальность магии. М.А. Штейнман указывает и на такие вторичные признаки, как то, что от героев зависит судьба мира, а также подчёркнутость конфликта между добром и злом, имитация подлинности вымышленного мира (Штейнман, 2006: 95).

С.Л. Кошелев определяет «Властелина Колец» как «философский фантастический роман с элементами волшебной сказки и героической эпопеи» (Кошелев, 1981: 96), Р.И. Кабаков называет книгу «мифологическим эпосом» (Кабаков, 1988: 10), а М.А. Штейнман относит произведение к жанру романа-иносказания (Штейнман, 2006: 95), что перекликается с концепцией аллегорического толкования произведения.

Таким образом, вопрос жанрового определения «Властелина Колец» до сих пор остаётся открытым. Многие исследователи отмечают, что сложность и многомерность книги не позволяет уместить её в рамках какого-то одного жанра, скорее, уместно говорить об их синтезе.

Для темы нашего исследования важно отметить, что влияние профессии Толкина на книгу проявилось не только в преемственности традициям германского эпоса. Как профессору древнеанглийского языка, обладающему соответствующим багажом знаний, писателю был свойственен особый способ восприятия мира, более того, он, как считает Р.И. Кабаков, обладал «уникальным лингвистическим даром – даром языкотворчества, создания вымышленных языков» (Кабаков, 1989: 6). «Известно, что толчком для воображения автора послужили созданные им эльфийские наречия, а также древнеанглийский, древнеисландский, финский и валлийский языки», (Каменкович, 1995: 719) – вторит ему переводчик М.В. Каменкович. Именно создание языков привело Толкина к созданию новой мифологии. Повествование и сюжет у него действительно часто вырастают из простого имени. В письме №165 писатель сообщает об истоках «Властелина Колец»: «Скорее, это «истории» были придуманы для того, чтобы создать мир для языков, а не наоборот. Для меня имя всегда возникает прежде истории. ... Лингвистика играет в книге большую роль. Она (*книга – А.Ю.*) для меня скорее эссе по лингвистической эстетике, как я обычно отвечаю людям на вопрос «о чём же это всё?» (Tolkien, 2000: 233).

Действительно, значение лингвистики в творчестве Толкина нельзя недооценивать. Писатель знал множество языков и не отрицал, что это увлечение сыграло не последнюю роль в создании его произведений. В его творчестве миф и язык связаны самым тесным образом. В эссе «Тайный порок» (“A Secret Vice”) Толкин подробно описывает процесс создания искусственного языка и в очередной раз подчёркивает, что именно язык предшествует созданию мира, а не наоборот. «Как только за вашими словами

закрепились хотя бы общие и смутные значения, перед вами открыты не самые утонченные, но наиболее волнующие и важные мотивы и приемы поэзии. Вы – наследник эпох. Вам не нужно мучительно стремиться к блестящему изобретению свободного прилагательного, которое до сих пор не было доступно человеческим языкам. Вы можете всего лишь сказать «зеленое солнце» или «мертвая жизнь» – и дать волю воображению» (Толкин, 2000: 511), – пишет он, иллюстрируя свою идею.

Таким образом, словотворческий аспект «Властелина Колец» очень важен не только при анализе его языкового состава, но и жанровой природы, и при интерпретации идейного содержания.

Многие критики, анализируя язык произведений Толкина, обращали внимание на своеобразие имён собственных в его творчестве, в том числе и во «Властелине Колец». Среди таких исследований можно назвать и «Героя приключения» У. Одена, в котором поэт отмечает несомненный «талант (Толкина – А.Ю.) к придумыванию имён» (Auden, 1968: 52), и «Миф и историю во Второй мировой войне» К. Хизм, в которой исследовательница подчёркивает, что значение имени каждого героя произведения не случайно (Chism, 2003: 63 – 91), и «Мифы реальности во вторичном мире» Р. Уэста, в которой автор, исследуя связь «Лэ о Лютиэн и Берене» с отдельными моментами биографии писателя, отдельно останавливается на семантике имени Лютиэн и её связи с содержанием легенды (West, 2003: 260 – 267), и уже упоминавшуюся нами статью Л. Донован, и многие другие. Исследований, в которых своеобразие имен собственных, созданных Толкиным, и их функции в его творчестве, являются центральной темой, гораздо меньше. Дж. Эванс в статье «Антропология Арды» подробно рассматривает эльфийские и человеческие имена на материале всего творчества писателя и приходит к выводу, что по ним можно проследить всю историю этих народов (Evans, 2003: 195 – 224). Е.А. Лебедева в работе «Ономастикон произведения Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец»:

структурный, семантический и функциональный аспекты» (Лебедева, 2006: 18) рассматривает ономастическую систему произведения. Е.А. Концесвитная в работе «Мифонимы в трилогии Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец» (Концесвитная, 2003: 239 – 248) изучает лексико-семантические особенности имён собственных в книге.

Целью нашей работы мы ставим проанализировать антропонимы в произведении Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец», их художественные функции, семантические свойства и связь с авторским замыслом. В этом состоит **новизна** работы. В соответствии с целью в работе мы выполнили следующие задачи:

- 1) рассмотрели модели наименования в произведении;
- 2) изучили происхождение и семантику антропонимов;
- 3) выявили авторскую методику создания антропонимов;
- 4) вскрыли взаимосвязь ономастикона с другими уровнями произведения;
- 5) проанализировали художественные функции антропонимов и их реализацию в тексте.

Актуальность данного исследования определяется важностью вопросов поэтической ономастики для современного литературоведения, а также глубокой связью семантики имен собственных и их функционирования в художественном пространстве книги с тем образом волшебных народов, который автор создаёт при помощи других средств, и необходимостью понимания этой связи для интерпретации текста. Помимо этого, имена собственные в произведении Толкина «Властелин Колец» образуют систему, исследование которой позволяет оценить весь масштаб работы, проделанной писателем, и понять закономерности организации этой вымышленной системы и её функционирования в художественном пространстве книги.

В работе были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, сравнительный анализ.

Глава I. Вопросы ономастики.

Имя собственное в художественном тексте

1.1. Основные положения и проблемы общей ономастики

Онимы, т.е. имена собственные, давно изучаются как учеными-филологами. Среди крупных специалистов в этой области стоит отметить А. Гардинера (Gardiner, 1954: 77), В.А. Никонова (Никонов, 1970: 33-56), А.В. Суперанскую (Суперанская, 1973: 366), С.И. Зинина (Зинин, 1975: 275), В.Д. Бондалетова (Бондалетов, 1983: 224), О.И. Фонякову (Фонякова, 1990: 103), В.И. Супруна (Супрун, 2000: 172) и других.

О.И. Фонякова выводит следующее определение имени собственного: «Универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» (Ермакова, 2009: <http://www.grani.vspu.ru>). Существует также понятие **ономастикона** – совокупности имен собственных в каком-либо языке, у какого-либо народа, на какой-либо территории. Ономастиконом можно назвать и словарь личных имён. Все называемые вещи существуют в реальном пространстве, их названия, в свою очередь, существуют в ономастическом пространстве, именном континууме, уникальном для каждой культуры и содержащем все типы имен собственных (Никитина, 2003: http://www.nikitina-nv.ru/pyblication/MetodOnamIssled_1/index.html).

В некоторых случаях термины «ономастикон» и «ономастическое пространство» могут употребляться как синонимы, однако значение термина «ономастическое пространство» шире, чем значение термина «ономастикон». Ономастическое пространство доступно человеку во фрагментарном виде, полная картина становится доступна лишь с помощью специальных

исследований (Суперанская, 1973: 365). Помимо ономастического пространства, выделяются ономастические поля – совокупность имен собственных, связанных системно-структурными отношениями. Т.е., в отличие от ономастического пространства, ономастическое поле системно (Супрун, 200: 172). Данная проблематика наиболее последовательно разработана в исследованиях В.И. Супруна.

Учеными рассматриваются различные аспекты имени собственного: классификация и её параметры, функции и функционирование, в т.ч. в художественных текстах, наличие и отсутствие семантики и др.

Существует несколько классификаций онимов. А.В. Суперанская отмечает, что первыми появились топонимические классификации (Суперанская, 1973: 360). Однако наиболее распространенной на сегодняшний день является классификация по называемому объекту. Таковая подробно разработана А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетовым и др. Классификации В.Д. Бондалетова и А.В. Суперанской практически идентичны. Однако вторая более подробна, поэтому мы приводим её, снабжая примерами из творчества Дж.Р.Р. Толкина.

А.В. Суперанская считает необходимым выделять ономастические поля (в отличие от В.И. Супруна, исследовательница определяет их как части ономастического пространства, содержащие онимы определенного вида): антропонимия, топонимия, зоонимия, фитонимия, астронимия, этнонимика и др. Она также разделяет онимы на следующие группы: (1) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые, (2) именованья неодушевленных предметов и (3) собственные имена комплексных объектов.

В первой группе учёная выделяет:

1) антропонимы:

Имена людей. Индивидуальные антропонимы выделяют личность. К ним относятся имена, фамилии и прозвища (Frodo, Gandalf, Bilbo, Boromir, Peregrin Took, Samwise Gamgee, Meriadoc Brandybuck, Grima Wormtongue,

Saruman the White, Arwen Undomiel, Strider). Групповые антропонимы выделяют коллектив. К ним относятся родовые, семейные и династические имена (Sackvilles, Underhills, Gamgees, Chubbs, Denethor, Elessar);

2) зоонимы:

Именования животных. Индивидуальные зоонимы (клички) выделяют отдельное животное (Shelob, Shadowfax, Arod, Gwaihir, Fatty Lumpkin, Bill, Bumpkin), групповые зоонимы служат для названия вида животных;

3) мифонимы:

Наименования существ, в действительности никогда не существовавших. Помимо имён богов, духов, легендарных личностей, тотемных животных и растений и т.д. А.В. Суперанская относит к этой группе названия легендарных предметов. Ученая аргументирует это тем, что в мифологии границы категории одушевленности-неодушевленности размываются, многим легендарным предметам приписываются свойства одушевленного существа. (Elbereth, Manwë, Eru Illúvatar).

Среди именования неодушевленных предметов ученая выделяет, кроме всего прочего:

1) топонимы:

Названия географических объектов. Топонимия обладает наиболее разветвленной терминологией. В первую очередь, выделяют гидронимы (названия водных объектов) и оронимы (названия объектов сухопутной территории). Среди гидронимов выделяют пелагонимы (названия морей), лимнонимы (названия озер), гелонимы (названия болот; Dead Marshes), потамонимы (названия рек; Brandywine, Adorn, Eruil, Mering Stream, Anduin, Morthond, Sirannon). Термин «ороним» употребляется также для обозначения возвышенностей (Mount Doom, Misty Mountains, Weathertop), для обозначения пещер, гротов, впадин и т.п. выделяют термин «спелеоним». Для обозначения названий лесных массивов используется термин «дримоним» (Mirkwood, Fangorn). Выделяют также ойконимы – названия

объектов, созданных человеком. Они подразделяются на астионимы (названия городов; Minas Tirith, Minas Morgul, Osgiliath), хорионимы (названия сельских поселений; Bree, Hobbiton). Названия значимых объектов, таких как замки, крепости, соборы, памятники и т.п. обозначают термином «урбанонимы» (Isengard, Orthanc, Hornburg, Bag End, The Forsaken Inn, The Prancing Pony, Gate of Kings, Meduseld);

2) космонимы:

Названия галактик, созвездий, планет, астероидов, комет и т.п.;

3) фитонимы:

Индивидуальные названия отдельных растений (Mallos, Lebethron, Elanor, Mallorn, Party Tree, White Trees, Old Man Willow);

4) хремотонимы:

Собственные имена отдельных неодушевлённых предметов материальной и духовной культуры. К ним относятся названия драгоценных камней (Silmarils, Star of Elendil, украшений (Crown of Gondor, Elfstone, Phial of Galadriel, Silmarils, The Ring, The Nine, The Seven, The Three, Narya, Nenyra, Vilya, Star of the Dúnedain) оружия (Glamdring, Herugrim, Grond, Gúthwinë, Sting), музыкальных инструментов и т.п.

Среди собственных имён комплексных объектов А.В. Суперанская выделяет, кроме всего прочего:

1) хрононимы:

Обозначения определённых отрезков и точек времени, как единичных, так и повторяющихся (The Great Years, Years of the Lamps, Years of the Trees, The First/Second/Third/Fourth Age, The Elder Days);

2) названия праздников, юбилеев, торжеств:

Учёная подчёркивает, что данную группу имён собственных следует отделять от хронимов, так как они обозначают не время, а объект (торжество). В то же время она признаёт, что в зависимости от контекста

некоторые имена собственные могут быть отнесены как к данной группе, так и к хронимам;

3) названия мероприятий, кампаний, войн:

(Kin-Strife, Battle of Five Armies, Battle of the Hornburg, Battle of Isgiliath, Battle of Dale, Battle of Bywater);

4) названия произведений литературы и искусства:

А.В. Суперанская считает, что данную группу имен собственных необходимо отделять от хремотонимов, так как они относятся к непредметной области. (A! Elbereth Giltoniel! The Cold Hard Lands, Legolas Geenleaf long under tree, Snow-white! Show-white! O Lady Clear!, The world was young, the mountains green, Ho! Tom Bombadil, Tom Bombadillo, The Road Goes Ever On and On).

А.В. Суперанская также выделяет лексические категории, не включаемые в ономастическое пространство. К ним, например, относятся этнонимы – групповые и индивидуальные обозначения лиц по их социальному положению, деятельности, принадлежности к каким-либо группам. Учёная считает, что по своим лингвистическим характеристикам слова, входящие в данные категории, являются нарицательными (Суперанская, 1973: 365).

Как полноценная часть лексической системы языка, онимы обладают определёнными функциями. Изучением этого аспекта занимались В.А. Никонов, В.Д. Беленькая, А.В. Суперанская, Ю.А. Карпенко, В.И. Супрун и др. Споры среди учёных вызывал вопрос о различии функций собственных и нарицательных имен. Так А.В. Суперанская выделяет до 30 функций онимов. Наиболее важными из них она считает функции имен собственных в речи:

1) коммуникативную (имя может служить основой обращения);

2) апеллятивную (имя может использоваться как призыв);

3) экспрессивную (отдельные имена собственные обладают определенными коннотациями);

4) дейктическую (имя указывает на объект).

Однако данные функции присущи и нарицательным именам. А.В. Суперанская выделяет также уникальные для имен собственных ономастические функции, среди них можно назвать функцию идентификации объекта и легализацию личности в обществе, но считает их вторичными (Суперанская, 1973: 365). Другие ученые (А.А. Белецкий, В.Д. Бондалетов, В.И. Супрун) сходятся во мнении, что именно ономастические функции являются первичными для имен собственных, так как именно они позволяют отделить их от имен нарицательных. В связи с этим важнейшими функциями онимов можно назвать номинативную, связанную с ней функцию индивидуализации, и дескриптивную. В то время как у онимов с номинативной функцией связана функция индивидуализации, у нарицательных имен с ней связана функция классификации (Белецкий, 1972: 309). Также выделяются следующие функции:

1) социальная (имя указывает на принадлежность лица к определённой группе людей или на связь объекта с общественным назначением);

2) аккумулятивная (в онимах, как и во всём языке, отражаются и сохраняются знания);

3) эстетическая (имя способно отражать образ, а значит, может быть использовано в художественных целях)

4) стилистическая (имя может быть средством характеристики, эмоционального воздействия, а также нести различные культурные коннотации) (Бондалетов, 1983: 224).

В художественных текстах особенно значимыми являются эстетическая и стилистическая функции.

Семантика онима также является предметом споров. Существует несколько точек зрения. Некоторые ученые утверждают, что значение имени

стерто (А.Х. Гардинер, А.А. Реформатский, Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова). Другие учёные (О.Х. Есперсен, Г. Суит, А.В. Суперанская, С.И. Зинин) считают, что семантика имени представляет собой сложный комплекс лингвистической и экстралингвистической информации, поэтому именем обретает значение в речи, в зависимости от контекста и коммуникативной ситуации. Согласно этой теории, семантика имени собственного в большей степени зависит от экстралингвистических факторов: отношения к именуемому объекту, ассоциаций, которые он вызывает у говорящего, стилистической и эстетической значимости (Суперанская, 1973: 365). Некоторые учёные (Ф. Травничек, Л.В. Щерба, В.Д. Бондалетов, Ю.А. Карпенко, О.И. Фонякова, В.И. Супрун) признают существование у имени собственного лексического значения и коннотативного фона (Супрун, 2000: 172).

1.2. Имя собственное в художественном тексте

Одной из важнейших проблем, связанных с именем собственным, является функционирование и роль имени в художественном тексте. Исследованиями в этой области занимаются уже упомянутые нами А.В. Суперанская, В.В. Виноградов (Виноградов, 1963: 35-39), С.И. Зинин, О.И. Фонякова, а также Т.В. Бакастова, В.М. Калинин (Калинкин, 1999: 408), Ю.А. Карпенко (Карпенко, 1986: 40), Н.В. Никитина и др.

В литературоведении выделяется раздел поэтической (или литературной) ономастики (Исакова, 2009: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/docs/3/articles/4/3>). Данное направление изучает «отражение элементов реальной и вымышленной ономастики, совокупность которых составляет ономастикон художественного произведения» (Юшкова, 2003: http://www.imena.org./name_fant.html). Долгое время поэтическая ономастика оставалась, как отмечает С.И. Зинин, «прикладной дисциплиной», использовавшейся при составлении комментариев к художественным

текстам и словарей имен собственных произведений какого-либо писателя. Однако с расширением исследований в области лингвистики текста и языка художественной литературы возрос и интерес к данному направлению (Зинин, 1975: 275). В настоящее время появляются исследования ономастиконов различных писателей, от И.С. Соколова-Микитова до Дж.К. Роулинг.

Исследователей привлекают различные аспекты, от мотивированности онима в художественном произведении до его текстообразующих функций.

Поэтическая ономастика обладает рядом специфических характеристик. А.В. Суперанская считает, что она ограничивается изучением стилистических возможностей имён собственных и их функциями в произведении (Суперанская, 1973: 30). Ю.А. Карпенко отмечает её вторичность, отличную от ономастики в целом мотивированность и иерархию функций, обусловленную принадлежностью онимов художественного текста к фактам художественной речи. Действительно, в художественном тексте на передний план выходят экспрессивная, эстетическая и стилистическая функции имен собственных.

Поэтическая ономастика обладает своей терминологией, созданной на терминологической базе общей ономастики. В качестве важнейших понятий С.И. Зинин выделяет термины «поэтоним» и «ономастическое пространство художественного произведения».

На протяжении долгого времени для обозначения имени литературных персонажей использовался термин «литературный антропоним», соответственно существовали и литературные топонимы, зоонимы и т.д. Со временем появился термин, объединяющий все разряды онимов в художественном тексте – поэтоним. Под **поэтонимом** понимается имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и экспрессивную функции (Зинин, 2006: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html>). К

поэтонимам относятся как вымышленные, так и реально существующие имена, которые писатели вводят в свои произведения.

Существуют различные классификации поэтонимов, основанные на различных признаках. Это классификация В.Н. Михайлова по функциям, К.Б. Зайцевой по содержательной значимости, Л.М. Щетинина по стилистической роли, О.И. Фоняковой по бинарным оппозициям роли, С.И. Зинина по называемому объекту и соотношению с национально – историческими онимами (Зинин, 2006: <http://planetaimen.narod.ru/litonomastika/main.html>). Следует отметить, что данные классификации (кроме О.И. Фоняковой и С.И. Зинина) рассчитаны на применение только к именам персонажей. Важен и тот факт, что они практически не используются в исследованиях. В большинстве работ применяется классификация по называемому объекту из общей ономастики, т.е. подразделение имён собственных на антропонимы, зоонимы, топонимы и т.д. Хотя С.И. Зинин указывает на необходимость разграничения между, например, антропонимом и поэтическим антропонимом, он признаёт, что ввиду вторичности поэтонимов и необходимости учитывать роль автора трудно создать универсальную классификацию поэтонимов (Зинин, 2006: <http://planetaimen.narod.ru/litonomastika/main.html>).

Ономастическим пространством художественного произведения называется совокупность всех поэтонимов произведения (Зинин, 2006: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html>). В данном значении синонимом является термин «ономастикон художественного произведения», который чаще используется в исследованиях. По мнению С.И. Зинина, главной отличительной чертой ономастического пространства художественного произведения является его антропоцентричность. В вымышленных, вторичных системах имен собственных, как и в первичных, преобладают антропонимы. В связи с этим в нашем исследовании мы намереваемся рассмотреть именно их. Ономастическое пространство

художественного мира может быть ограничено как одним произведением, так и расширяться до совокупности онимов всех произведений какого-либо писателя, жанра или эпохи. Творчество Дж.Р.Р. Толкина представляет собой особый интерес для ономастических исследований, так как его произведения объединены единым местом действия – миром, придуманным писателем. Ономастикон всех его произведений в совокупности является единой системой.

С.И. Зинин пишет: «Ономастическое пространство художественных произведений выступает подсистемой общей образной системы художественного произведения, с одной стороны, а с другой — отражает специфику авторского творчества» (Зинин, 2006: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html>). В.И. Супрун указывает среди функций имен собственных в художественном тексте не только обозначение персонажей, но и создание ономастического фона и реализацию национально-культурного компонента произведения (Супрун, 2000: 172). То, что онимы в литературном произведении стали считаться стилистически и семантически значимым художественным средством, неудивительно. Так, в ономастиконе «Властелина Колец», как и во всём творчестве Толкина, отразилось желание писателя создать собственную мифологию для Англии и его увлечение древнегерманскими языками и литературой. Их влияние проявилось и в заимствовании онимов из древнегерманских произведений, и в схожих моделях построения имени и наименования. Это яркий пример того факта, что в художественном произведении писатель конструирует воображаемую картину мира, которая в той или иной степени отражает его мировоззрение и личный опыт.

Художественный текст полон не только прямой, но и скрытой информации, которую читатели и исследователи «разворачивают», анализируя различные составные элементы текста, от образа до слова. Как отмечает Н.В. Никитина, компоненты, на которые опирается ассоциативное

развертывание текста, выделяются и актуализируются писателем (Никитина, Ономастическое пространство А.Т. Твардовского). Среди таких компонентов онимы играют значимую роль, а значит, изучение имен собственных и их функционирования в художественном пространстве помогает выявить механизмы создания произведения и скрытые смыслы.

В связи с этим стоит отдельно упомянуть об одной из важнейших функций поэтонимов – **текстообразующей**. Несомненно, писатель обдумывает каждый оним, который он использует в своём произведении. Из писем Толкина становится ясно, что он уделял большое внимание истории создания и значению имен. Поэтоним является средством воплощения авторского замысла, связующим элементом художественного пространства текста. В художественном произведении имена собственные участвуют в создании смыслового пространства, формировании плана содержания текста – это и есть реализация текстообразующей функции.

Онимы также могут быть использованы как художественный приём и средство создания образа персонажа. Именно в художественном тексте стилистические и экспрессивные возможности онима раскрываются в полной мере. Так, антропоним способен выражать множество эмоциональных значений с помощью одних только деривационных средств, что позволяет писателю обозначить положение персонажа в обществе или отношение к нему других героев книги. Во «Властелине Колец», например, друзья называют Перегрин Тука (Peregrin Took) Пиппином (Pippin), в то время как посторонние, обращаясь к нему, называют его либо мастером Пиппином (master Pippin), либо полным именем. Уважение, которое Сэм (Sam) испытывает к Фродо (Frodo) проявляется в обращении – мастер Фродо (master Frodo).

Существует такой прием как **реминисцентный оним** – имя, отсылающее читателя к объекту реальной действительности или других художественных произведений (Фомин, 2003: 167). Использование

реминисцентного онима даёт писателю практически безграничные возможности для усложнения образа персонажа и текста в целом, создания скрытых смыслов, ассоциаций, аллюзий и интертекстуальности. Толкин заимствует некоторые из имён своих персонажей из древнегерманских текстов (Gandalf, Gloin, Vain), что способствует архаизации текста.

С реминисцентными онимами и говорящими именами – ещё одним художественным приёмом, основанным на использовании особого имени собственного – связан вопрос семантики онима. В то время как в общей теории имени собственного эта проблема остается одной из наиболее острых, в художественном тексте онимы обладают семантикой «по умолчанию». С.И. Зинин пишет, что их «содержание и значение представляет сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических характеристик» (Зинин, 1975: 275). Действительно, в художественном тексте онимы обретают стилистическую функцию и играют важную роль в воплощении авторского замысла, следовательно, можно говорить об актуализации их значения. В. В. Катермина подчеркивает «ведущую роль личных имен собственных в создании семантической композиции художественного текста» (Катермина, 2002: <http://journal.kubsu.ru/NUMBERS/1/Katermina.htm>). Как отмечает Ю.В. Ермакова, в реальной жизни связь между семантикой имени и его носителем отсутствует, в то время как в художественном текст семантика имени персонажа определяется замыслом писателя и обладает явной или скрытой связью с носителем (Ермакова, 2009: <http://www.grani.vspu.ru>). Более того, каждый писатель создаёт свою собственную систему имен собственных, в той или иной мере обращая внимание и на семантику, и на фонетику, следуя закономерностям реально существующей системы онимов или лишь имитируя их. Таким образом, отличительным признаком онимов в художественном тексте является их мотивированность, просматривающаяся как на фонетическом, так и на семантическом уровнях. Так, эльфийские имена у Толкина обладают лексической мотивированностью (Galadriel – дева

с сияющими волосами), и их значение связано с носителем (у Галадриэль действительно красивые золотистые волосы). Кроме того, писатель, создавая искусственные языки, ориентировался на фонетику греческого, финского, английского и валлийского языков, звучание которых он находил приятным. Следовательно, можно говорить о фонетической мотивированности имен, сотворенных из этого искусственного языкового материала.

Семантика онима может быть как явно выражена, так и завуалирована. Значение говорящих имен – онимов с обнажённой семантической основой, открыто характеризующих своего носителя, – «лежит на поверхности», читателю не нужно прилагать какие-либо усилия, чтобы догадаться о значении онима. Говорящее имя подчеркивает, порой гиперболизировано, какую-либо черту персонажа, служит подсказкой для читателя и средством создания образа персонажа для автора (Grima Wormtongue, Gandalf the Grey, Strider).

Стоит отметить, что отсутствие имени у персонажа также может быть использовано как прием (Исакова, 2009: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/docs/3/articles/4/3>).

Отдельно нужно сказать об именах собственных, особенно вымышленных, используемых в фантастических произведениях. Исследования, посвященные изучению этого вопроса, появляются всё чаще. Особый интерес вызывают такие произведения как «Гулливер» (“Gulliver’s Travels”, 1726) Дж. Свифта, «Властелин Колец» (“The Lord of The Rings”, 1954-55) Дж.Р.Р. Толкина, «Мерзейшая мощь» (“That Hideous Strengrh”, 1945) К.С. Льюиса, цикл произведений Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере, цикл «Трое из леса» Ю. Никитина, «В ночь большого прилива» и «Голубятня на жёлтой поляне» В. Крапивина и др.

В.Г. Белинский считал, что в реалистических произведениях личные имена должны соответствовать действительности, а не быть выдумкой автора (Суперанская, 1973: 363). А.В. Суперанская указывает на связь поэтонима с

жанром. «Имя в литературном произведении играет очень важную роль – ориентира в пространстве и времени», – пишет исследовательница (Суперанская, 1973: 364).

Однако в фантастических произведениях действие происходит в вымышленном мире, соответственно, перефразируя В.Г. Белинского, имена в таких произведениях должны быть выдумкой автора. Онимы в фантастических произведениях приобретают особенные формы, графическую и звуковую, и функции. Стоит отметить, что, используя порой уникальные по звуковой и графической форме имена, писатели-фантасты тем не менее имитируют структуру реального ономастикона. Имитация прослеживается в моделях наименования, деривации и обращения. Так, Толкин использует такие модели, как «имя» (Eómer), «имя + фамилия» (Meriadoc Brandybuck), «имя + прозвище» (Grima Wormtongue), «прозвище» (Strider, The Grey Wanderer) – эти же модели используются и в жизни. При обращении, помимо имени, могут использоваться слова, указывающие на положение персонажа и отношение к нему других героев произведения (master Frodo). Это позволяет читателю сориентироваться в отношениях между персонажами, понять, кто какое положение занимает, получить дополнительные сведения о мире, в котором происходит действие. В то же время, в фантастическом произведении писатель может использовать приёмы, которые не доступны ему в реалистическом произведении, например, использовать и вымышленные, и заимствованные из реального ономастикона имена для разграничения ряда персонажей (у Толкина эльфы носят вымышленные имена, созданные на основе сотворённых писателем искусственных языков). Таким образом, особенность ономастикона фантастического произведения состоит в том, что одновременно отражает и реальный, и вымышленный мир.

Помимо дейктической, эстетической и стилистической функций, в фантастическом произведении онимы приобретают иллюзионизирующую

функцию (Юшкова, 2003: http://www.imena.org./name_fant.html). Необычная графическая и звуковая форма не только «напоминают» читателю, что действие происходит в вымышленном мире, но и создают иллюзию его реальности. Проработанный ономастикон, похожий и одновременно непохожий на свой реальный прототип, усиливает эту иллюзию. Отражая различные взаимосвязи мира произведения, он создаёт у читателя впечатление, что этот мир обладает давней историей (реализация аккумулятивной функции онимов). Во «Властелине Колец» упоминается множество имён персонажей, действующих в других произведениях писателя и живших до событий, описанных в книге. С некоторыми из них связаны легенды, которые вплетены в повествование, – например, легенда о Берене и Люттиэн (Beren and Lúthien).

Новое развитие получают различные приёмы, связанные с использованием онимов. Так, писатель может дать персонажу имя легендарного в мире произведения героя – это будет оним, реминисцентный только в рамках данного произведения. Схожим образом автор может использовать и говорящие имена. В фантастических произведениях распространена своеобразная вариация отсутствия онима – запрет на упоминание имени какого-либо персонажа в силу каких-либо причин (у Толкина – запрет на упоминание имени и прозвищ Саурона; в цикле произведений Дж. К. Роулинг о «Гарри Поттере» – имя лорда Волдеморта (Voldemort) заменяется эвфемизмом Тот-Кого-Нельзя-Называть (He-Who-Must-Not-Be-Named)).

Итак, в художественном тексте онимы действительно играют важнейшую роль. Они выполняют дейктическую, стилистическую, экспрессивную, иллюзионирующую и текстообразующую функции, обладают богатыми стилистическими и экспрессивными возможностями и представляют широкое поле для исследований. Функционирование онима в художественном тексте, особенно в фантастических произведениях, является

актуальной проблемой литературоведения. Доказательством этому служат многочисленные исследования различной направленности: от словарей имён персонажей различных авторов (например, словари имен героев У. Шекспира) до всестороннего изучения ономастикона какого-либо художественного произведения.

Глава II. Реализация художественных функций антропонимов в произведении

2.1. Волшебные народы и их языки в произведении

Образ волшебного народа, наряду с образом волшебной страны, считается жанрообразующим для фэнтези (Павкин, 2002: 18). Одной из главных особенностей подобных образов является отсутствие реального прототипа. Исходным материалом могут служить мифы, легенды, фольклор, которые автор изменяет с помощью воображения и претворяет в новый образ.

В своих художественных произведениях («Сильмариллион», «Властелин Колец», «Неоконченные сказания» и др.) Толкин описывает вымышленный мир, который называется Арда (Arda). Во «Властелине Колец» действие происходит в Средиземье (Middle-earth), одной из частей Арды. Кроме людей, Средиземье населяют несколько волшебных народов: хоббиты (hobbits), гномы (dwarves), орки (orcs) и эльфы (elves). Они одновременно и похожи, и непохожи на людей. Внешний вид, быт и история народов Средиземья подробно описаны Толкином во вступлении и приложениях к «Властелину Колец».

Языковое устройство Средиземья имитирует языковую картину реального мира: каждый волшебный народ обладает своим собственным языком, существуют родственные языки; помимо действующих языков есть и вышедшие из употребления; в некоторых языках присутствуют заимствования из других; можно проследить, как в том или ином языке отразилась история. Столь сложная, многоуровневая имитация – ещё одно свидетельство мастерства Толкина и того, насколько важен для него был

языкотворческий аспект и как кропотливо он работал над своими произведениями.

Помимо языков волшебных народов существует **вестрон (Westron)**, общий язык, на котором существа, принадлежащие к разным народам, общаются между собой. В письме №144 Толкин подробно объясняет эволюцию вестрона и обосновывает его важность. «Язык – это самое важное, так как история должна быть рассказана, и диалоги должны вестись на языке» (*речь идёт именно об общем для народов Средиземья языке, а не о языке повествования вообще – А.Ю.*) (Tolkien, 2000: 193). В книге вестрон представлен английским языком: писатель уточняет, что «перевёл» слова и выражения с вестрона на английский. Примечательно, что родственный вестрону рохиррик (Rohirric), язык королевства Рохан (Rohan), «переведён» на древнеанглийский. Толкин описывает вестрон как «почти такой же разнородный, как английский» (Tolkien, 2000: 470). Действительно, в Вестроне присутствуют многочисленные эльфийские заимствования, что аналогично французским заимствованиям в английском языке.

Наибольший интерес из волшебных народов у читателей вызвали **хоббиты**. Писатель часто сталкивался с неверной интерпретацией самого названия народа. Наиболее частыми были попытки объяснить происхождение и значение слова “hobbit” с помощью английских слов “homo”, “hole”, “hob”, “rabbit”. Однако в приложении F к «Властелину Колец» Толкин указывает на то, что слово “hobbit” было бы неверно трактовать, опираясь на английский язык, так как оно происходит от слова “holbytla”, что значит «строитель нор» (the hole builder) – так жители королевства Рохан называли хоббитов. В то же время в одном из писем писатель признаёт: «Единственным английским словом, повлиявшим на изобретение (слова «хоббит» - А.Ю.), стало слово “hole” (Tolkien, 2000: 441).

Толкин описывает хоббитов как низкорослый народец. Область, где они обитают, Шир (Shire), – тихое и спокойное место, в котором редко

появляются чужаки. Хоббиты предпочитают размеренную жизнь и с опаской относятся к путешествиям. Они любят хорошо поесть и увлекаются садоводством. Живут хоббиты в так называемых норах под землёй (holes in the ground), которые представляют собой подземные дома, и в обычных домах на поверхности. Говорят на Вестроне.

Эльфы первыми из всех существ появились в Средиземье. Они не стареют, однако их можно убить. Их слух и зрение гораздо острее человеческого: во время путешествия Братства Кольца (the Fellowship of the Ring) к Мордору (Mordor) именно Леголас первым замечает птиц-шпионов, посланных Саруманом, а позже – приближающихся всадников Рохана. Эльфы более всех остальных существ, населяющих Средиземье, способны к искусству. Во «Властелине Колец» представлены два места жительства эльфов – Ривенделл (Rivendell) и Лотлориен (Lothlórien), однако упоминается и Лихолесье (Mirkwood), откуда прибыл Леголас.

Важное место в произведении занимают эльфийские языки. На протяжении всей своей жизни Толкин не только изучал уже существующие языки, но и занимался созданием искусственных: работал над фонетическим и грамматическим строем, составлял словарь и тексты. Наиболее проработанными из всех языков, созданных Толкиным в разные годы, являются **квенья** (Quenya) и **синдарин** (Sindarin), т.н. эльфийские языки. Сам писатель так характеризует их: «Они, можно сказать, вполне жизнеспособны, так как я довольно хорошо продумал их, так же как и их историю и связи с другими языками. Они были задуманы как явно европейские по фонетике и грамматике и как вполне благозвучные» (Tolkien, 2000: 194).

Квенья моделируется как древний язык, вышедший из употребления ко времени начала повествования. Толкин указывает, что использовал в качестве его основы латинский, греческий и финский языки, в то время как синдарин, являющийся «живым» эльфийском языком, походит на

английский и валлийский языки. «Именно такая форма кажется мне очень привлекательной с лингвистической точки зрения», – поясняет свой выбор автор (Tolkien, 2000: 493). Благозвучность эльфийских языков подчёркивается и в самой книге такими эпитетами, как “soft” и “sweet”. В произведениях Толкина встречаются отдельные словосочетания, целые фразы и даже монологи на эльфийском языке, иногда без перевода, что вызвало многочисленные вопросы и нарекания со стороны читательской аудитории и литературоведов. Однако это осознанная авторская стратегия, а не недостаток писательского мастерства. «И нужно было уделить внимание языку! Заботься я о своём удовольствии, а не об уме возможного читателя, в книге было бы куда больше эльфийского», – пишет Толкин (Tolkien, 2000: 230). Кроме того, писатель неоднократно признавал, что языки, созданные им, первичны по отношению к его литературному творчеству, т.к., создав язык, он придумал и тех, кто мог бы на нём говорить.

Гномы живут в подземных королевствах. Они невысокие, но очень сильные и выносливые. Они крайне неохотно покидают свои владения и хранят свои настоящие имена в секрете. Гномы занимаются добычей минералов и драгоценных металлов и торгуют ими с другими расами. Кроме того, они искусные кузнецы и ювелиры.

Во «Властелине Колец» показано только одно место жительства гномов – шахты Мории (Moria), однако в приложении F он перечисляет и другие.

У гномов также есть собственный язык, **кхуздул** (Khuzdûl). Толкин описывает его как «сложный и неблагозвучный» (Tolkien, 2000: 40). Примеры использования Кхуздула в произведении малочисленны. Можно привести боевой клич Гимли: “Baruk Khazâd! Khazâd ai-mênu!” (Топоры гномов! Гномы идут на вас!).

Автор также указывает, что гномы использовали руническое письмо. Более того, пример подобной рунической надписи приведён в «Братстве

Кольца» (Tolkien, 2008: 416). Это надпись на могиле гнома Балина, которую Братство находит во время путешествия по Мории, одной из шахт гномов.

Люди в книге представлены несколькими народностями, наибольшее внимание уделено двум королевствам – Рохану (Rohan) и Гондору (Gondor). В приложении F Толкин описывает их историю.

Жители Гондора являются потомками людей, живших вместе с эльфами на острове Нуменор, что повлияло на их культуру и самосознание. Жители Рохана – Рохиррим (Rohirrim) – являются потомками людей, живших на севере Средиземья.

Люди из разных королевств говорят на разных языках. Жителей Рохана Толкин характеризует как «использующих архаичную форму языка людей» (Tolkien, 2000: 414). Они, например, называют своё королевство Марка (Mark), что в английском языке является историческим термином, обозначающим пограничную область (frontier). Язык Рохана, рохиррик (Rohirric), схож с древнеанглийским. Так, в речи Теодена (Théoden), короля Рохана, и Эовин (Éowyn), его племянницы, и всадников Рохана часто встречаются архаичные формы местоимений и грамматические формы, например:

Health be with **thee** at **thy** going and coming! (Tolkien, 2008: 682).

If **thou** art in haste, remember the Paths of the Dead. (Tolkien, 2008: 1015).

Aragorn, **wilt thou** go? **Wilt thou** not let me ride with this company? (Tolkien, 2008: 1015).

Жители Гондора изначально говорили на синдарин, вследствие длительного контакта с эльфами. Но после того, как эта связь оборвалась, число говорящих на синдарин стало сокращаться. Под влиянием соседей жители Гондора постепенно перешли на вестрон, и ко времени повествования на синдарин говорили лишь немногие знатные люди.

Орки когда-то были созданы из эльфов при помощи чёрной магии. Их отличительными чертами является уродливая наружность и злобный нрав. Во

«Властелине Колец» представлены орки, подчиняющиеся Саурону, и орки, подчиняющиеся Саруману. И Саурон, и Саруман используют этих существ как военную и рабочую сила. У орков есть свой язык, **Черное Наречие** (The Black Speech). Он отличается грубым и резким звучанием, что достигается за счёт большого количества взрывных и гортанных согласных (Ash nazg durbatulûk, ash nazg gimbatul (One Ring to rule them all, one ring to find them) – Одно кольцо, чтобы править ими, одно кольцо, чтобы их найти). Толкин пишет, что добивался «краткого, резкого» (Tolkien, 2000: 493) звучания. Примечателен тот факт, что Черное наречие является искусственным языком и в мире Средиземья, т.к. его создал Саурон для своих слуг. Примеров употребления этого языка в тексте мало (это объясняется тем, что разговор на Чёрном Наречии привлекает внимание Ока Саурона (Eye of Sauron)), фактически, это надпись на Кольце и слово «назгул» (Nazgûl). Назгулами называют девять королей, которым были отданы волшебные кольца, выкованные для людей. По замыслу Саурона, кольца, предназначенные для людей, были связаны с Кольцом Всевластия, и с помощью этой связи Саурон превратил девять королей в духов, обречённых вечно служить ему. Само слово «назгул» с Чёрного Наречия переводится как «дух кольца»: nazg – кольцо (ring), gûl – призрак (wraith) (Tolkien, 2000: 412).

Писатель не указывает, какие языки послужили прототипом Чёрного Наречия, однако уже после завершения работы над книгой он обнаружил, что в гаэльском существует слово “nasc”, означающее «связь, узы, путы» (Irish Dictionary Online, 2010: <http://www.englishirishdictionary.com>). Подобное совпадение можно объяснить профессией Толкина. Писатель признаётся, что хотя «гаэльский как язык ему никогда не нравился, ... он изучал его, поэтому вполне возможно, что слово “nazg” действительно было заимствовано из этого языка» (Tolkien, 2000: 414). Факт подобного неосознанного заимствования является ещё одним показателем того, насколько глубоко увлечение лингвистикой повлияло и на самого Толкина, и на его творчество.

2.2. Модели наименования в произведении

Во «Властелине Колец» Дж.Р.Р. Толкин создал развитую, тщательно проработанную систему имён собственных. Хотя правильно было бы сказать, что именно из этой системы родилась само произведение, так как сам писатель признавался: «Первым всегда приходит имя, а уже за ним следует история» (Tolkien, 2000: 233). Он считал, что «для вымышленной страны и эпохи ... наименования являются куда более важным элементом, чем для исторического романа» (Tolkien, 2000: 267).

В своих произведениях Толкин во многом продолжает традиции таких известных писателей, как Дж. Свифт и У. Моррис. Дж. Свифт активно использовал в «Путешествиях Гулливера» словотворчество. Названия стран и некоторых созданий, которых Гулливер видел во время своих странствий, были придуманы самим писателем (Blefuscu, Brobdingnag, Balnibarbi, Luggnagg, Glubbudrib, Houyhnhnms). У. Моррис, художник, поэт и писатель, создавал в своих произведениях фантастические миры. Он увлекался средневековьем и мифологией, что отразилось в его творчестве. Так, мир, изображенный писателем в романе «Колодец на краю света» (“The Well at the World’s End”, 1896), напоминает средневековую Англию, в которой царит волшебство. Творчество У. Морриса оказало огромное влияние на Толкина, что просматривается во многих элементах его произведений, вплоть до появления во «Властелине Колец» белого коня Гэндальфа – Обгоняющего Тень (Shadowfax) (у Морриса в «Колодце на краю мира» – быстроногий белый конь Silverfax).

На сегодняшний день творчество Толкина считается классикой жанра фэнтези. Созданные им образы эльфов, гномов и людей были заимствованы и переработаны, многие писатели-фантасты даже пытались использовать в своих произведениях необычные языки и искусственную систему

антропонимов, построенную по принципу аналогичной естественной системы, но крайне редко столь же продуманно и проработано.

А.В. Суперанская считает, что онимы хранят культурно-историческую информацию, уникальную для каждого народа. В то же время, исследовательница отмечает, что, подобно тому, как во всех языках есть некие универсальные черты, между системами антропонимов различных народов также наблюдается сходство (Суперанская, 1973: 267). Несмотря на различие в звуковых и графических формах имен и разнообразие образов, положенных в их основу, можно выделить общие модели наименования, лишь частично варьирующиеся у различных групп людей. Это справедливо и по отношению к онимам Толкина.

Мы уже отмечали в первой главе, что в произведениях, относящихся к фантастическим жанрам, ономастикон приобретает особые черты. Писатели-фантасты используют необычные по графической и звуковой форме имена, но в то же время копируют структуру реально существующего ономастикона, в частности, в моделях наименования. Это можно проследить и в анализируемой нами «Властелине Колец».

Толкин использует несколько моделей наименований:

1) имя, например:

Eomer, Eowyn, Arwen, Elrond, Gimli;

2) имя + фамилия, например:

Frodo Baggins, Sam Gamgee, Peregrin Took, Meriadoc Brandybuck;

3) имя + прозвище, например:

Gandalf the Grey, Arwen Undomiel, Grima Wormtongue;

4) прозвище, например:

Strider, The Grey Wonderer, Mithrandir;

5) отсутствие имени;

6) замена имени эвфемизмами, например:

Sauron – Lord of the Ring, Dark Lord.

Примечательно, что различные волшебные народы в произведении используют разные модели наименования. Так модель «имя + фамилия» характерна исключительно для хоббитов, модель «имя» - для людей, эльфов, гномов и орков, а модель «имя + прозвище» - для магов. В качестве прозвищ маги (Wizards) используют различные цвета: Саруман Белый (Saruman the White), Гэндальф Серый (Gandalf the Grey), Радагаст Карий (Radagast the Brown). Когда в шахтах Мории Братство Кольца столкнулось с балрогом, Гэндальф вступил с ним в сражение и погиб. Сражение и смерть стали для него своего рода духовным испытанием. После воскрешения сила и умения мага возросли, изменился и цвет его одежды – стал белым. Сам Гэндальф говорит: “I am Gandalf, Gandalf the White” (Tolkien, 2008: 652). Т.е. изменения отразились и в прозвище. До этого прозвище Белый носил Саруман (Saruman), он был главой Белого Совета (White Council), в который входили некоторые маги и эльфы, и лидером магов. Однако Саруман пожелал не уничтожить Кольцо, а завладеть им. Бросив вызов Саурону, Саруман меняет своё прозвище на Радужный (Saruman of Many Colours). Таким образом, можно предположить, что цветовые прозвища магов отражают иерархию их Ордена. К сожалению, сам Толкин не комментирует этот момент.

Не только маги обладают прозвищем, оно есть у многих персонажей. У Толкина прозвище и имя могут быть взаимозаменяемы: Арвен Ундомиэль (Arwen Undómíel), дочь правителя Ривенделла, называют и именем, и прозвищем. В случае с Арагорном (Aragorn) прозвище выполняет функцию сокрытия личности персонажа. При встрече с хоббитами в десятой главе первой книги Арагорн называется Странником (Strider, варианты перевода: Бродяжник, Колоброд, Бродяга-Шире-Шаг, Скороход). Он скрывает своё имя, так как оно указывает на то, что он является потомком некогда великой династии человеческих королей. Именно его предок, Исилдур, отказался уничтожить Кольцо. Мать Арагорна боялась, что он погибнет в сражении с орками, как и его дед и отец, поэтому его происхождение хранилось в тайне

даже от него самого. Арагорн узнал о том, кто его предки, лишь когда стал взрослым. В произведении его настоящее имя открывается лишь на Совете Эльронда, во второй главе второй книги.

Орки, существа, относящиеся к силам зла, в большинстве случаев безымянны. Право на обладание собственным именем получают только те, кто чем-то отличился, например, предводители военных отрядов. В случае с орками модель наименования не только отделяет этот народ от остальных, но и характеризует его. Отсутствие имен не удивительно для народа, созданного в качестве рабов и воинов и не обладающего даже зачатками культуры. Сам Толкин описывает орков как «исполненных злобы и ненависти даже по отношению к сородичам» (Tolkien, 2008: 1486), уродливых внешне («коренастые, с плоскими носами, кожей землистого цвета, большими ртами и раскосыми глазами») (Tolkien, 2000: 293) – и склонных к насилию и вандализму. На уровне сюжета эти характеристики подкрепляются тем, что орки часто совершают набеги на Рохан, уничтожают памятники культуры на захваченных землях, грубо обращаются с Меррином и Пиппином, когда те оказываются у них в плену и т.д.

Имя Саурона заменяется прозвищами-эвфемизмами – Властелин Кольца (Lord of the Ring), Темный Властелин (Dark Lord). Подобная замена связана с боязнью привлечь внимание темных сил, накликать беду. Такая традиция встречается и в мифологии, и в фольклоре. Даже прозвища Саурона опасны. Так, когда Пиппин, приветствуя Фродо, называет его Властелином Кольца, Гэндальф обрывает его: “Hush! Evil things do not come into this valley; but all the same we should not name them” (Tolkien, 2008: 294).

Используя различные модели наименования, Толкин не только имитирует реально существующий ономастикон, но и следует традициям эпоса, мифологии и фольклора. Кроме того, для различных народов Средиземья характерны свои модели наименования, что ещё раз

подчёркивает уникальность каждого народа, а порой и отражает его характерные особенности.

2.3. Происхождение и семантика антропонимов в произведении

В.А. Никонов писал: «Имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ» (Зинин, 1975: 275). Автор наделяет персонажа именем, осознанно вкладывая в него определённую семантику, т.е. само имя одновременно отражает авторский замысел и является средством создания образа своего носителя.

У Толкина имена собственные, несомненно, служат средством создания образа волшебной страны. На это работает и их необычность, и то, как точно писатель имитирует реально существующий ономастикон, и то, насколько прочно связаны имена с тем вымышленным миром, в котором они существуют – этому способствует тот факт, что часть онимов создана на материале искусственных языков, придуманных писателем.

Каждому волшебному народу, введённому в повествование, свойственны особый языковой состав и звучание имён. Вкупе с использованием различных моделей наименования, подобное языковое многообразие позволяет системе вымышленных, искусственных онимов, созданной Толкиным, приблизиться к аналогичной системе, возникшей в естественных условиях. По графической и звуковой форме имени читатель может определить, к какому волшебному народу принадлежит его обладатель, подобно тому, как по имени человека можно судить о его национальной принадлежности – так, например, Иван считается типичным русским именем, Джон – английским, а Жан – французским.

Кроме того, Толкин использует имена, чтобы охарактеризовать своих персонажей, но парадоксальным образом он одновременно зашифровывает эту характеристику, используя незнакомый читателю языковой материал.

Для того, чтобы понять значение имени персонажа, читателю необходимо познакомиться с искусственными языками, созданными писателем (если это имя, созданное на материале одного из эльфийских языков), или обладать определёнными познаниями в древнегерманских языках и мифологии. Такая сложная система вызвала затруднения у читателей. Они пытались объяснить значение имён персонажей, опираясь на английский язык, и делали ошибочные выводы. «Меня по-прежнему озадачивают, а иногда по-настоящему раздражают теории и догадки насчет скрытого значения», – писал Толкин (Tolkien, 2000: 411). Так, один из читателей «перевёл» имя Леголаса (Legolas) как «огненно-рыжий», что не имеет ничего общего со значением, задуманным писателем. Сам Толкин разъясняет, что это имя состоит из двух синдаринских корней – “laeg” (зеленый) и “go-lass” (листва) (Tolkien, 2000: 297). Множественные случаи ложной интерпретации имен персонажей заставили писателя составить приложения к произведению, в которых объясняются значение и происхождение имён персонажей и даются сведения об истории народов Средиземья. Подробные объяснения можно также найти в письмах писателя. Тем не менее, случаи ложной интерпретации встречаются до сих пор. Так, В.С. Муравьёв и А.Ф. Кистяковский перевели имя Глорфиндель как Всеславур, что явно ошибочно, так как имя состоит из синдаринских, а не английских корней. Сам автор пишет: «...Глорфиндель, чьё имя значит «золотые волосы» (Tolkien, 2000: 468).

По происхождению все имена книги можно разделить на две категории: либо созданные на материале естественных языков (сюда же относится небольшая группа заимствованных онимов) и созданные автором на основе искусственного языкового материала.

Толкин использовал два основных источника заимствования: древнегерманскую мифологию и древнеанглийский язык. Так имена гномов (Gimli, Dain Ironfoot, Thorin Oakenshield) он заимствовал из «Старшей Эдды»

и других древнескандинавских произведений. «Имена гномов в «Хоббите» (а позже и во «Властелине Колец») я взял из списка имён гномов из Прорицания Вэльвы», – признаётся он (Tolkien, 2000: 413). Имя Гэндальфа (Gandalf), одного из ключевых персонажей произведения, также было заимствовано. «Гэндалфром зовут гнома из «Прорицания Вэльвы», – пишет профессор в письме № 297 (Tolkien, 2000: 413). Имя Саурона (Sauron) образовано от древнеанглийского “searu” – «умный, хитрый, изобретательный». Многочисленные попытки вывести происхождение и значение этого имени от греческого корня, означавшего «ящер», раздражали писателя (Tolkien, 2000: 411).

В именах жителей Рохана также преобладают древнеанглийские корни, и сам язык этого народа, рохиррик, представлен в произведении древнеанглийским. «Так как рохирримы представлены как недавние выходцы с севера, говорящие на старом языке людей, ... я сделал звучание их имен схожим с древнеанглийским», – пишет Толкин (Tolkien, 2000: 194).

Семантика имен была тщательно подобрана писателем. Имя короля Рохана Теодена (Theóden) происходит от англо-саксонского корня, означающего «король», т.е. значение его имени отражает его положение. Имена его племянников – Эомер (Eómer) и Эовин (Eówyn) – начинаются с англо-саксонского корня “eo”, означающего «лошадь». Здесь прослеживается связь с историей самого королевства и с ключевыми моментами в сюжете. Рохан всегда славился своими всадниками, они играют важную роль в сюжете второго тома «Властелина колец», в сражении в Хельмовой Пади (Helm's Deep). Именно их вмешательство позволяет спасти королевство от завоевания. Кроме того, сема «лошадь» присутствует и в названии самого Рохана. Хотя в самом произведении такой информации нет, в одном из писем Толкин указывает эльфийское “rokko”, так же означающее «лошадь», в качестве слова, давшего название самому королевству. Таким образом, при различной внешней форме, семантика и названия королевства, и имён лиц,

принадлежащих к знати, т.е. к знаковым для королевства фигурам, одинакова, более того, она связана с исконным занятием жителей Рохана, с историей королевства.

Такая глубокая связь показывает, насколько детально проработал Толкин ономастикон книги и как крепко он связал различные его произведения в единое целое. Даже этимологии названия Рохана писатель уделил большое внимание, так как читатели (с некоторыми он вёл переписку) были склонны неправильно толковать его происхождение, связывая его с одним из баронских родов Бретани – Роган (Rohan). Графические формы слов идентичны, отсюда, очевидно, и путаница. «Роган – знаменитая фамилия, принадлежащая одной знатной и влиятельной семье из Бретани. Я знал об этом, и форма слова мне нравилась, но я также изобрёл эльфийское слово, обозначающее «лошадь», и знал, как приспособить Рохан к языковой ситуации, сделав его позднесиндаринским названием для региона, где поселились всадники», – разъясняет писатель (Tolkien, 2000: 413).

В отличие от имен людей, имена хоббитов составлены по привычной для современного читателя модели «имя + фамилия» (Frodo Baggins, Sam Gamgee, Peregrin Took, Meriadoc Brandybuck). Кроме того, они созданы на материале английского языка. При этом и сами хоббиты говорят на Вестроне, которые в произведении «переведён» на английский. В одном из своих писем Толкин говорит о них как об «очень английских именах» (Tolkien, 2000: 100).

Фамилия хоббитов образованы от слов, заимствованных из современного английского языка: Baggins от “bag” (мешок, сумка), Butterbur от “butterbur” (белокопытник) и т.д.

«Прозрачность» семантики фамилий хоббитов для англоязычных читателей и то, что она отражает занятия и предпочтения данного волшебного народа, указывали на то, что значение фамилий нужно было раскрыть при переводе. Вследствие возникших у переводчиков трудностей Толкин составил руководство по переводу имён «Властелина Колец»

(Толкин, 2010: <http://lib.ru/TOLKIEN/namettranslation.txt>) с указанием на семы, которые нужно сохранить.

Рассмотрим уже упоминавшиеся нами фамилии с указанием вариантов перевода и комментариев писателя.

Baggins (Торбинс – В.С. Муравьёв, А.Ф. Кистяковский, Бэггинс – М.В. Каменкович) от bag – мешок, сумка, в руководстве Толкин указывает на необходимость сохранения данной семы при переводе. Фамилия этого семейства хоббитов, несомненно, связана с названием их жилища – Bag End (Торба-на-Круче – К. Королёв);

Gamgee (Скромби – В.М., А.К., Гэмги – М.К.) – писатель указывает на немотивированность данной фамилии и рекомендует переводчику сохранить её в исходном виде;

Butterbur (Наркисс – В.М., А.К., Подсолнух – М.К.) – от butterbur – белокопытник, Толкин рекомендует использовать в переводе названия, в которых есть корень «масло», т.к. белокопытник – мясистое растение. Лавр Наркисс (Barliman Butterbur), хозяин трактира «Гарцующий пони», описывается Толкиным, как весьма полный хоббит;

Chubbs (Ейлы и Пойлы – В.М., А.К.) – от chubby - пухлый, писатель сообщает, что выбрал эту реально существующую фамилию именно из-за её семантики;

Grubbs (Ройлы – В.М., А.К.) – от grub – копать, Толкин рекомендует сохранить при переводе данную сему.

Последние две фамилии явно связаны с предпочтениями хоббитов: любовью к еде и садоводству.

Семантика фамилий хоббитов вызывает ассоциации с сельской жизнью, что подкрепляется на сюжетном уровне. В данном случае на выбор и мотивировку антропонимов в большей степени повлияла не профессия Толкина, а его культурная принадлежность. В одном из писем Толкин указывает, что «основой образа Шира (*место обитания хоббитов – А.Ю.*)

стала сельская Англия» (Tolkien, 2000: 267). Даже название области, где живут хоббиты, Шир (The Shire) в английском языке означает «сельские графства в центре Англии» (the central rural counties of England) (Cambridge Dictionary Online, 2010: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/shire>). Гай Давенпорт, американский писатель и один из учеников Толкина, пишет в одном из своих эссе: «Помню, с каким удовольствием не так давно выглянул из окна английского автобуса и увидел стрелку, указывающую дорогу в Баттербур. ... Практически все имена толкиновских хоббитов приведены в моем телефонном справочнике Лексингтона, а те, которых нет, можно найти в справочнике соседнего Шелбивилля» (Давенпорт, 2009: <http://spintongues.msk.ru/davenport21.htm>). Писатель перенёс на вымышленный им мир черты того мира, в котором он жил. Только фамилии хоббитов обладают «прозрачной семантикой». Описания быта этого народца схожи с идиллическими картинами жизни на лоне природы. И по модели наименования, и по образу жизни они ближе всех остальных народов Средиземья к современной Толкину Англии. Даже пристрастие многих хоббитов к курению трубки писатель позаимствовал – у себя самого.

Гномы как волшебный народ вызвали у читателей и исследователей большой интерес. Толкину часто задавали вопросы о связи образа этого народа с образом гномов из германских легенд. Писатель не отрицал того, что его увлечение древнегерманским эпосом повлияло на его творчество и что в какой-то мере образ гномов был заимствован, однако указывал на то, что он был переработан. «Гномы из моих легенд гораздо ближе к гномам из германских легенд, чем мои эльфы, но всё же во много отличаются от них», – поясняет автор в одном из своих писем (Tolkien, 2000: 413).

Имена гномов были заимствованы из «Старшей Эдды». Примечателен тот факт, что в случае с этим народом Толкин создаёт их образ не через семантику имен, а через их функционирование в художественном пространстве книги. Толкин описывает их как «скрытную», «отделённую

расу» (Tolkien, 2008: 1488), хранящую свой язык в секрете. Скрытность этого народа отразилась и в функционировании их имен. Покидая родные земли, гномы используют заимствованные имена, настоящие же они хранят в секрете: «гномы скрывают свои настоящие имена от представителей других народов и не указывают их даже на надгробных камнях» (Tolkien, 2008: 1488). Подобная традиция полностью соответствует образу этого волшебного народа как закрытого общества, отделённого от всех остальных народов Средиземья территорией и традициями: гномы обитают под землёй и крайне неохотно покидают свои владения.

Эльфийские имена представляют собой уникальный пласт антропонимов не только в произведении, но и в мировой литературе. Они полностью основаны на материале искусственных эльфийских языков, созданных Толкиным. Писателя много критиковали за «режущие глаз» (Tolkien, 2000: 32) имена, но он отвечал, что таков был его замысел. «Лично я считаю, что они хороши и много дают книге. Они составлены согласно двум языковым формулам, а потому, по-моему, создают куда более правдоподобную иллюзию реальности, чем та, что получилась у других изобретателей имён, скажем, у Свифта или Дансени!», – пишет Толкин в ответ на критику Эдварда Крэнкшоу (Edward Crankshaw) (Tolkien, 2000: 33).

Писатель неоднократно указывал, что звучание слова для него не менее важно, чем его значение. При создании языков Толкин не в последнюю очередь руководствовался эстетическим принципом, благозвучность была для него важным критерием. В своём эссе «Английский и валлийский языки» (“”) он пишет: «Большая часть англоговорящих людей... согласится, что “cellar door” звучит красиво, особенно если отвлечься от значения (и написания). Намного более красиво, чем, скажем, “sky”, и уж куда более красиво, чем “beautiful” (Tolkien, 2010: <http://druidry.org/board/photos/englishandwelsh.pdf>). Естественно, создавая языки, Толкин стремился к благозвучию (за исключением тех случаев, когда неприятное звучание было необходимо,

как, например, в Чёрном Наречии). Одними из языков, послуживших Толкину основой для квеньи и синдарина, были финский и валлийский, звучание которых писатель находил наиболее приятным (Tolkien, 2000: 195). Действительно, в эльфийских языках (соответственно, и в эльфийских именах) прослеживается фонетическое сходство с этими языками: обилие гласных а, о, æ и сонорных, редкое использование глухих согласных, практически полное отсутствие шипящих.

Кроме необычной звуковой формы, эти имена также обладают семантикой, скрытой от читателя, незнакомого с эльфийскими языками. Имена эльфов можно назвать отражением сути этого волшебного народа. Писатель называет эльфов Светлым Народом (Fair Folk), часто использует эпитет *fair*, описывает их как самых мудрых и прекрасных обитателей Средиземья и постоянно подчеркивает связь эльфов со светом. Эта связь заложена в самой этимологии слова «эльф». Интересен тот факт, что, взяв уже существующее слово, Толкин придал ему авторскую семантику и этимологию. Согласно авторским пояснениям, это слово произошло от древнеэльфийского корня “el” – звезда (Tolkien, 2000: 297). Одно из именований эльфов – эльдары (Eldar) – означает «люди звезд». И корень “el”, и его сема присутствуют во многих эльфийских именах: *Undómiel* – вечерняя звезда, *Elrond* – звёздный купол, *Galadriel* – дева с сияющими волосами, *Tinúviel* – дитя звёздного света. Кроме того, в именах эльфов часто присутствуют семы света или сияния: *Celebrian* – серебряная королева, *Glorfindel* – золотые волосы.

Примечательно, что имя одного из ключевых персонажей истории, эльфа Леголаса (*Legolas*) означает «зелёная листва». Резкое отличие семантики имени этого персонажа от семантики имен других эльфов связано с его происхождением. Леголас – т.н. лесной эльф (в мире Средиземья лесными называют эльфов, обитающих в Лотлориене (*Lothlórien*) и Лихолесье (*Mirkwood*)), именно это и отражается в значении его имени

(Tolkien, 2000: 32). Кроме имени, принадлежность Леголаса к лесным эльфам отразилась в цветах его одежды, зелёном и коричневом.

Впрочем, имена других эльфов отражают не только авторское видение этого народа в целом, но и индивидуальные характеристики их носителей. Так, у Галадриэль действительно красивые золотистые волосы, как и у Глорфинделя. Имя Арвен (Arwen) связано с её происхождением. Корень “wen” в переводе с синдарина означает, как указывает Толкин в одном из писем, «дева, девушка»; имя переводится как «дева королевского происхождения». Это отражено в сюжете: Арвен – дочь правителя Ривенделла, а будучи внучкой Галадриэль, она является потомком древнего благородного эльфийского рода, т.е. она действительно дева королевского происхождения. Её прозвище, Ундомиэль (Undómiel), означает «вечерняя звезда». Арвен называют так из-за необыкновенной даже по меркам эльфов красоты. Имя матери Арвен, Келебриан, означает «серебряная королева» и также совпадает с её благородным происхождением и положением жены правителя Ривенделла.

Хотя Арагорн – человек, его имя состоит из синдаринских корней. Как указывает Толкин, оно означает «королевская доблесть». Корень “ar” присутствует в именах многих его предков (Arathorn, Arador, Aravorn, Araglas etc.), и его значение отражает принадлежность его носителя к королевскому роду (Tolkien, 2000: 470).

Стоит отметить, что у некоторых персонажей произведения по несколько прозвищ, семантика которых совпадает. Так Арвен (Arwen) называют Андомиэль (Undomiel) и Вечерняя Звезда (Evenstar). При этом Андомиэль в переводе с квенни, языка эльфов, и означает «вечерняя звезда». У Гэндальфа также два прозвища, Серый странник (Grey Wanderer) и Митрандир (Mithrandir), и их семантика совпадает (Митрандир в переводе с квенни значит «серебряный странник»). Кроме того, многие топонимы либо «переведены» на языки различных волшебных народов, либо сами являются

«переводом». Так, Ривенделл (Rivendell) – перевод синдаринского названия Imaldris, что означает «долина в расщелине», и отражает его географическое положение. Названия крепостей Минас Тирит (Minas Tirith) и Минас Моргул (Minas Morgul) переведены в «Братстве Кольца» как «твердыня стражи» и «твердыня черного колдовства». На Совете Элронд рассказывает, что раньше эти крепости назывались Минас Анор (Minas Anor) и Минас Итил (Minas Ithil), «твердыня солнца» и «твердыня луны», однако после того, как Минас Итил захватили орки, назначение обеих крепостей изменилось, изменилось и их название.

Наличие прозвищ и топонимов на разных языках, но с одинаковой семантикой отражает устройство мира произведения, наличие в нём нескольких культур и их взаимопроникновение и, следовательно, скрепляет взаимосвязь различных уровней произведения. Имена персонажей «Властелина колец» были специально созданы Толкиным так, чтобы отражать определенные черты каждого героя (внешность, характер, происхождение, род занятий). Одновременно они каждого волшебного народа отражают определенные его характеристики. Учитывая тот факт, что писатель сначала придумывал имя персонажа, а затем его историю, можно сказать, что имена в произведении не только код, но и каркас как мира, созданного писателем, так и сюжета книги, т.е. ономастикон книги играет важную роль в реализации авторского замысла, обладает текстообразующей функцией и, будучи связанным со всеми уровнями произведения, является своеобразным кодом, разгадав который, читатель сможет в более полной мере представить характер и роль каждого персонажа и осознать связи между героями.

2.4. Функции антропонимов в произведении

В художественном тексте имена собственные обладают множеством

функций. Среди функций ономастикона «Властелина Колец» можно выделить следующие:

Номинативная функция. Имя вводит персонажа, обозначает его. Это одна из первичных функций имени собственного. Примечательно, что при реализации этой функции Толкин часто использует наименование с указанием на родство (Aragorn, son of Arathorn, Boromir, son of Denethor, Gimly, son of Gloin), что связано с влиянием древнегерманского эпоса на его творчество.

С номинативной функцией тесно связана **идентифицирующая**. Её реализации в произведении способствует тщательная проработка ономастикона и наличие семантики у онимов. Для каждого волшебного народа в произведении характерна своя модель наименования и графическая и звуковая формы имени, что позволяет читателю определить, к какому народу принадлежит тот или иной персонаж (Frodo Baggins, Sam Gamgee – хобиты, Eomer, Eowyn – люди, Thorin Oakenshield, Gimly – гномы, т.д.). Кроме того, имя может указывать на происхождение персонажа (Denethor – родовое имя наместников Гондора), а цветовые прозвища магов, возможно, указывают на их положение в ордене.

Характеризирующая функция. Её реализации также способствует наличие у онимов семантики, которая отражает определённые свойства персонажа. Значение онима может быть связано с самыми разными чертами: от детали внешности (Glorfindel – золотые волосы) до его занятий (Strider – Странник). Значение может быть выражено как как эксплицитно (Wormtongue – Гнилоуст, Grey Wanderer – Серый Странник), так и имплицитно (Undómiel – Вечерняя Звезда, Mithrandir – Серебряный Странник). В совокупности семантика онимов отдельных народов и их функционирование в художественном пространстве произведения характеризуют тот или иной волшебный народ.

Иллюзионирующая функция. Система имен собственных произведения искусно имитирует ономастикон реально существующего мира. Каждый из волшебных народов обладает своей моделью наименования и уникальной формой имени, благодаря чему читатель легко может понять, к какому народу принадлежит носитель онима (Peregrin Took, Meriadoc Brandybuck – хоббиты, Elrond, Galadriel, Celeborn – эльфы, Gimly, Thorin – гномы, Boromir, Faramir – люди). У каждой расы имена соответствуют языку, на котором они говорят. Кроме того, исторический фон, возникающий у имен благодаря тому, насколько детально Толкин проработал ономастикон, создаёт у читателя впечатление, что мир Средиземья не только реален, но и обладает историей. Так, многие герои были названы в честь своих предков (Боромир – в честь сына наместника Гондора Денетора Первого, Арагорн – в честь своего предка Арагорна Первого). В произведении много династических имён (Denethor, Elessar), часто упоминаются имена исторически значимых личностей (Bard the Bowman, Isildur, Luthien Tinúviel, Beren), узнать о судьбе которых можно либо из легенд, которые персонажи «Властелина Колец» рассказывают друг другу, либо из других произведений Толкина. Наличие множества прозвищ у Гэндальфа (Gandalf the Grey, The Grey Wanderer, The Grey Pilgrim, Mithrandir, Gandalf the White, The White Rider, Olórin) отражает долгую историю этого персонажа. Т.к. Гэндальф – маг, срок его жизни гораздо дольше, чем у людей. Он появился в Средиземье намного раньше событий, описываемых во «Властелине Колец».

Богатство и разнородность онимов, наличие особенных для каждого народа имен, отражение в ономастиконе устройства и истории Средиземья делает этот вымышленный мир более «выпуклым», укрепляет иллюзию его реальности.

Стилистическая функция. Автор использует модели наименования и образования онимов, отсылающие читателя к древним сагам. Это замена имени прозвищем (Арагорн – Странник, Гэндальф – Митрандир, Арвен –

Ундомизэль), прямое заимствование из «Старшей Эдды» (Gandalf, Gloin, Bain). Отдельно следует упомянуть кеннинги - метафору, характерную для скальдической поэзии, представляющую собой описательное выражение, заменяющее название предмета или имя человека, также характерные для древнегерманской поэзии. Среди кеннингов в произведении встречаются и типичные указания на родство: Арагорна часто называют сыном Араторна (son of Arathorn), а Гимли – сыном Глоина (son of Gloin), опуская при этом их имена. Кроме того, в тексте встречаются авторские кеннинги (Mithrandir – Серебряный Странник, Evenstar – Вечерняя Звезда).

Со стилистической функцией тесно связана **архаизирующая**. Указанные нами модели наименования придают трилогии схожесть с древними сагами.

В том, как реализуются стилистическая и архаизирующая функции, просматривается влияние профессиональной деятельности Толкина, занимавшегося изучением древнегерманских языков и литературы, и перенявшего из них и модели наименования и обращения, и некоторые имена.

Текстообразующая функция. В ономастиконе произведения отразились и устройство вымышленного мира Средиземья, и авторский замысел; онимы являются одним из связующих элементов художественного пространства книги. В первую очередь это проявляется в том, что семантика онимов тесно связана со всеми уровнями произведения. Так, в лексическом значении имен содержится характеристика персонажа, отсылки к истории Средиземья, к характеристикам народов, населяющих его, к сюжету книги. В нашей работе мы выяснили, что онимы у Толкина отражают внешность персонажа (Galadriel, Glorfindel), его происхождение (Legolas, Aragorn, Arwen), изменения, происходящие с ним (Gandalf the Grey → Gandalf the White, Saruman the White → Saruman of Many Colours). Присутствие в большинстве эльфийских имён сем света и сияния и функционирование имен

гномов в пространстве книги отражают авторскую характеристику этих народов. Кроме того, языковой материал, из которого созданы имена представителей различных народов, соответствует языку, на котором они говорят (хоббиты – английский, рохирримы – древнеанглийский, эльфы – квенья и синдарин, т.д.). Различия между волшебными народами подчёркивают и разные модели именования. Ономастикон происхождения можно назвать кодом (в случае с эльфийскими именами, семантика которых сокрыта, «зашифрована» от читателя, онимы превращаются в код в буквальном смысле), разгадка которого даст читателю возможность глубже познать Средиземье и лучше понять авторский замысел.

Заключение

Имена собственные изучаются многими учеными, а функционирование онимов в художественном тексте представляет собой особый интерес. Большое количество работ, посвященных изучению ономастиконов произведений различных писателей, доказывает актуальность этой проблемы. Ономастикон произведений Дж.Р.Р. Толкина, в частности, «Властелина Колец», несомненно, заслуживает внимания, так как отличается сложностью и проработанностью. Кроме того, сам писатель утверждал, что сначала он создал языки и имена, а потом – их носителей и мир, в котором они могли бы существовать.

Ономастикон произведения Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец» является искусной имитацией реально существующей системы имён собственных. Имитация прослеживается в структуре, моделях наименования и функционировании онимов. В то же время имена собственные в произведении обладают необычной звуковой и графической формой, что характерно для фантастических произведений. В совокупности это позволяет онимам реализовывать иллюзионирующую функцию. Кроме того, для каждого волшебного народа в произведении свойственны различные модели наименования, графическая и звуковая форма онимов, что позволяет реализовать идентифицирующую функцию.

Огромное влияние на творчество Толкина оказали древнегерманские языки и литература, ставшие не только увлечением писателя, но и профессией. Это просматривается в способах создания имен собственных. Словотворчество стало для Толкина уникальным средством создания фантастической реальности – многие онимы в его произведении творятся из материала сконструированных писателем языков. Часть имен создана с использованием английских и древнеанглийских корней, присутствует небольшая группа заимствованных из древнескандинавской мифологии онимов. Использование такого разнообразного языкового материала

демонстрирует лингвистический талант писателя. Увлечение Толкина древнегерманской литературой отразилось и в моделях наименования (в т.ч. в использовании авторских кеннингов), которые реализуют стилистическую и архаизирующую функции.

Ономастикон произведения тесно связан с другими его уровнями. Так, семантику и функционирование являются способом создания образа волшебных народов в произведении, так как в них отражается образ жизни отдельных народов (хоббиты, гномы, орки), авторскую характеристику (эльфы), связь с историей (люди). Во многих онимах отразились индивидуальные черты их носителей, что реализует характеризующую функцию. Кроме того, наряду с именами с «прозрачным» значением Толкин использует онимы, значение которых зашифровано от читателя (в частности, из-за использование искусственного языкового материала). Таким образом, ономастикон в буквальном смысле превращается в код к дополнительным смысловым связям произведения, что является реализацией текстообразующей функции.

Ономастикон «Властелина Колец» сложен и многообразен. Кроме антропонимов, в нём представлены топонимы, зоонимы, фитонимы, мифонимы и т.д. Очевидно, что автор отводил этой части своего творчества важную роль. Во многом именно в именах собственных выразились любовь Толкина к языкам, его богатые фоновые знания, лингвистический и литературный дар. Ономастикон служит мощным инструментом реализации авторского замысла и практически неисчерпаемым интерпретационным материалом.

Список использованной литературы

1. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания: учебник для бакалавров / А.А. Белецкий. – Киев: Издательство Киевского гос. ун-та им. Т.Г. Шевченко, 1972. – 309 с.
2. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учебное пособие / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика: монография / В.В. Виноградов. – АН СССР, 1963. – 255 с.
4. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языка и культуры: монография / Д.И. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2001. – 133 с.
5. Зинин, С.И. Введение в антропониимику: пособие для студентов / С.И. Зинин. – Ташкент: Ташк. гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1975. – 275 с.
6. Кабаков, Р.И. «Повелитель колец» Дж.Р.Р. Толкина и проблема современного литературного мифотворчества: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Р.И. Кабаков. – СПб.: ТТТ; ТО СПб, 1989. – 20 с.
7. Кабаков, Р.И. «Повелитель колец» Дж.Р.Р. Толкина: эпос или роман?: монография / Р.И. Кабаков. – СПб., 1989. – 230 с.
8. Калинин, В.М. Поэтика онима: монография / В.М. Калинин. – Донецк, 1999. – 408 с.
9. Каменкович, М.В. Создание Вселенной. Толкин Дж.Р.Р. Властелин колец. Возращение короля: монография / М.В. Каменкович. – СПб.: Азбука, 1995. – 729 с.
10. Концесвитная, Е.А. Мифонимы в трилогии Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец» / Е.А. Концесвитная. – 2 часть. – Ставрополь, 2003. – 248 с.
11. Кошелев, С.Л. «Великое сказание» продолжается: эстетическая теория Дж.Р.Р. Толкина и его романа «Властелин Колец»: монография / С.Л. Кошелев. – М.: Мол. Гвардия, 1990. – 458 с.

12. Кошелев, С.Л. Жанровая природа «Повелителя колец» Дж.Р.Р. Толкина / С.Л. Кошелев // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. – 1981. – №6. – С. 81–96.
13. Лебедева, Е.А. Ономастикон произведения Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец»: структурный, семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Е.А. Лебедева. – Ростов-на-Дону, 2006. – 18 с.
14. Мамаева, Н.Н. Это не фэнтези! К вопросу о жанре произведений Дж.Р.Р. Толкина / Н.Н. Мамаева // Известия Уральского Государственного университета. – 2001. – №21. – С. 33–47.
15. Никонов, В.А. Задачи и методы антропонимики / В.А. Никонов // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. – М.: 1970. – С. 33–56.
16. Павкин, Д.М. Образ волшебной страны в романах Дж.Р.Р. Толкина: лингвокогнитивный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.М. Павкин. – Киев, 2002. – 18 с.
17. Практический курс английского языка: учебник для ВУЗов / В.Д. Аракин [и др.]; под ред. В.Д. Аракина.– 4-е издание. – М.: ВЛАДОС, 2006.– 350 с.
18. Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастики: монография / М.Э. Рут. – М.: ЛКИ, 2008. – 192 с.
19. Скороденко, В. Создание мира / В. Скороденко // Иностранная литература. – 1983. – №5. – С. 237–239.
20. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного: монография / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 365 с.
21. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. в виде науч. док. на соиск. учен. степ. д. филол. наук / В.И. Супрун. – Волгоград, 2000. – 172 с.
22. Толкин, Дж.Р.Р. Братство Кольца / Дж.Р.Р. Толкин. – пер. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. – СПб., 1992. – 448 с.

23. Толкин, Дж.Р.Р. Властелин Колец / Дж.Р.Р. Толкин. – пер. Н. Григорьевой, Н. Грушецкого. – СПб., 2008. – 896 с.
24. Толкин, Дж.Р.Р. Тайный порок / пер. М. Артамоновой // Толкин Дж.Р.Р. Сильмариллион. – 2000. – С. 498–526.
25. Толкин, Дж.Р.Р. Хранители: летопись первая из эпопеи «Властелин Колец» / Дж.Р.Р. Толкин. – пер. В. Муравьева. – М.: Детская литература, 1983. – 544 с.
26. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие / О.И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.
27. Штейнман, М.А. Игра с мифом в трилогии Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец» / М.А. Штейнман // «... Лучших строк поводырь, проводник просвещения, лучший читатель!». – М., 2006. С. 75-95.
28. Anderson, D.A. An industrious Little Devil / D.A. Anderson // Tolkien The Medievalist; ed. by J.L. Chance. – L., 2003. – P. 15–25.
29. Auden, W.H. The Quest Hero / W.H. Auden // Tolkien and the critics; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 40–61.
30. Bradley, M. Men, Halflings, and Hero Worship / M. Bradley // Tolkien and the critics; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 109–127.
31. Chance, J.L. Introduction to “Tolkien the Medievalist” / J.L. Chance // Tolkien The Medievalist. – L., 2003. – P. 1-12.
32. Chism, C. Middle-earth, the Middle Ages, and the Aryan Nation: Myth and History in World War II / C. Chism // Tolkien The Medievalist; ed. by J.L. Chance – L., 2003. – P. 63–91.
33. Clark, G. J. R. R. Tolkien and the True Hero / G. Clark // Bloom’s Modern Critical Views: J. R. R. Tolkien; ed. by H. Bloom. – Chelsea House Publishers, 2008. – P. 43–58.

34. Donovan, L. The Valkyrie Reflex in J. R. R. Tolkien's *The Lord of the Rings: Galadriel, Shelob, Eowyn, and Arwen* / L. Donovan // *Tolkien The Medievalist*; ed. by J.L. Chance. L., – 2003. – P. 106–132.
35. Evans, J. The Anthropology of Arda: Creation, Theology, and the Race of Men / J. Enans // *Tolkien The Medievalist*; ed. by J.L. Chance. – L., 2003. – P. 195–224.
36. Faraci, M. I wish to Speak: Tolkien's Voice in His *Beowulf* Essay / M. Faraci // *Tolkien The Medievalist*; ed. by J.L. Chance. – L., – 2003. – P. 50–62.
37. Flieger, V. An Unfinished Symphony / V. Flieger // *Bloom's Modern Critical Views: J. R. R. Tolkien*; ed. by H. Bloom. – Chelsea House Publishers – 2008. – P. 121–128.
38. Flieger, V. There Would Always Be a Fairy-Tale: J. R. R. Tolkien and the Folklore Controversy / V. Flieger // *Tolkien The Medievalist*; ed. by J.L. Chance. – L., 2003. – P. 26–35.
39. Flieger, V. Tolkien's Wild Men: from medieval to modern / V. Flieger // *Tolkien The Medievalist*; ed. by J.L. Chance. – L., 2003. – P. 95–105.
40. Fuller, E. *The Lord of the Hobbits: J. R. R. Tolkien* / E. Fuller // *Tolkien and the critics*; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 17–39.
41. Gardiner, A. *The Theory of Proper Names: A Controversial Essay* / A. Gardiner. – L., 1954. – 77 p.
42. Gasque, T. J. *Tolkien: The Monsters and the Critics* / T. Gasque // *Tolkien and the critics*; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 151–163.
43. Huttar, Ch. *Tolkien, Epic Traditions and Golden Age Myths* / Ch. Huttar // *Bloom's Modern Critical Views: J. R. R. Tolkien*; ed. by H. Bloom. – Chelsea House Publishers, 2008. – P. 3–16.

44. Isaacs, N.D. On the possibilities of writing Tolkien criticism / N.D. Isaacs // Tolkien and the critics; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 3–11.
45. Keenan, H. T. The Appeal of “The Lord of the Rings”: A Struggle for Life. / H. T. Keenan // Tolkien and the critics; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 62–80.
46. Kelly, M. “The Poetry of Fantasy: Verse in “The Lord of the Rings” / M. Kelly // Tolkien and the critics; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 170–200.
47. Lazo, A. A Kind of Mid-Wife: J. R. R. Tolkien and C. S. Lewis – Sharing Influence / A. Lazo // Tolkien The Medievalist; ed. by J.L. Chance. – L., 2003. – P. 36–49.
48. Lewis, C.S. The Dethronement of Power / C.S. Lewis // Tolkien and the critics; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 12–16.
49. Maher, M.W. “A Land without Stain”: Medieval Images of Mary and Their Use in the Characterization of Galadriel / M.W. Maher // Tolkien The Medievalist; ed. by J.L. Chance. – L., 2003. – P. 225–236.
50. Moorman, Ch. The Shire, Mordor & Minas-Tirith / Ch. Moorman // Tolkien and the critics; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 201–217.
51. Noel, R. S. The Mythology of Middle-earth / R.S. Noel. – Boston, 1977. – 198 p.
52. Raffel, B. “The Lord of the Rings” as Literature / B. Raffael // Tolkien and the critics; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 218–246.
53. Reilly, R.J. Tolkien and the Fairy-Story / R.J. Reilly // Tolkien and the critics; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbardo. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 128–150.

54. Rosebury, B. Tolkien in the History of Ideas / B. Rosebury // Bloom's Modern Critical Views: J. R. R. Tolkien; ed. by H. Bloom. – Chelsea House Publishers, 2008. – P. 89–120.
55. Spacks, P.M. Power & Meaning in “The Lord of the Rings” / P.M. Spacks // Tolkien and the critics; ed. by N.D. Isaacs, R.L. Zimbaro. – University of Notre Dame Press, 1968. – P. 81–99.
56. Tolkien, J.R.R. The Fellowship of the Ring / J.R.R. Tolkien. – L., 2008. – 468 p.
57. Tolkien, J.R.R. The Letters of J.R.R. Tolkien / J.R.R. Tolkien, C. Tolkien, H. Carpenter. – L., 2000. – 493 p.
58. Tolkien, J.R.R. The Return of the King / J.R.R. Tolkien. – L., 2008. – 532 p.
59. Tolkien J.R.R. The Two Towers / J.R.R. Tolkien. – L., 2008. – 430 p.
60. Tolkien J.R.R. Tree and Leaf / J.R.R. Tolkien. – L., 2001. – 150 p.

Электронные ресурсы

1. Бакастова, Т.В. Типы и функции семантизации имени собственного в художественном тексте [Электронный ресурс] / Т.В. Бакастова. – Режим доступа: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/bakastova-semantiz.html>. – (Дата обращения: 01.05.2018).
2. Григорьева, Н. О законах волшебного мира [Электронный ресурс] / О.Н. Григорьева. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/about/grigor.shtml>. – (Дата обращения 12.05.2018).
3. Давенпорт, Г. Хоббиты [Электронный ресурс] / Г. Давенпорт. – Режим доступа: <http://spintongues.msk.ru/davenport21.htm>. – (Дата обращения 21.05.2018).
4. Ермакова, Ю.В. Функции собственных наименований в художественном тексте [Электронный ресурс] / Ю.В. Ермакова. – Режим доступа: <http://www.grani.vspu.ru>. –(Дата обращения 05.05.2018).

5. Зинин, С.И. Введение в поэтическую ономастику [Электронный ресурс] / С.И. Зинин – Режим доступа: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html>. – (Дата обращения 17.05.2018).
6. Исакова, И.Н. Теория литературы: анализ художественного текста [Электронный ресурс] / И.Н. Исакова. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/docs/3/articles/4/3>. – (Дата обращения 03.05.2018).
7. Кабаков, Р.И. Творчество Дж. Р. Р. Толкина как литературоведческая проблема [Электронный ресурс] / Р.И. Кабакова. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/kabako97.shtml>. – (Дата обращения 02.05.2018).
8. Катермина, В.В. Личное имя собственное в художественном тексте [Электронный ресурс] / В.В. Катермина. – Режим доступа: <http://journal.kubsu.ru/NUMBERS/1/Katermina.htm>. – (Дата обращения 18.05.2018).
9. Никитина, Н.В. Имя собственное в художественном тексте [Электронный ресурс] / Н.В. Никитина. – Режим доступа: <http://www.nikitinanv.ru>. – (Дата обращения 04.05.2018).
10. Никитина, Н.В. Ономастическое пространство поэзии А.Т. Твардовского [Электронный ресурс] / Н.В. Никитина. – Режим доступа: <http://www.nikitina-nv.ru>. – (Дата обращения 20.05.2018).
11. Никитина, Н.В. Теория и методика ономастических исследований (на примере творчества А.Т. Твардовского) [Электронный ресурс] / Н.В. Никитина. – Режим доступа: http://www.nikitinanv.ru/pyblication/MethodOnamIssled_1/index.html. – (Дата обращения 16.05.2018).
12. Рут, М.Э. Антропонимы: размышления о семантике [Электронный ресурс] / М.Э. Рут. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/rut-01.htm>. – (Дата обращения 15.05.2018).

13. Хананашвили, А. «Не зная броду, не суйся в воду»: мир толкиновских пословиц и поговорок [Электронный ресурс] / А. Хананашвили. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/proverbs.shtm>. – (Дата обращения 18.05.2018).
14. Юшкова, Е.А. Имя собственное в контексте фантастического произведения [Электронный ресурс] / Е.А. Юшкова. – Режим доступа: http://www.imena.org./name_fant.html. – (Дата обращения 11.05.2018).
15. Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/shire>. – (Дата обращения 08.05.2018).
16. Drout, M. Tolkien's Prose Style And Its Literary And Rhetorical Effects. [Электронный ресурс] / М. Drout. – Режим доступа: <http://muse.jhu.edu/html>. – (Дата обращения 20.05.2018).
17. Irish Dictionary Online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.englishirishdictionary.com/dictionary?language=irish&word=nasc>. – (Дата обращения 08.05.2018).
18. Tolkien, J.R.R. English and Welsh [Электронный ресурс] / J.R.R. Tolkien. – Режим доступа: <http://druidry.org/board/photos/englishandwelsh.pdf>. – (Дата обращения 05.05.2018).